
ЧАСТЬ III

САМЫЙ ЗНАМЕНИТЫЙ ИЗ ФРАНЦУЗОВ

ИСПЫТАНИЕ РЕСПУБЛИКОЙ

В начале 1945 года войска союзников освободили территорию всей Франции от оккупантов, и она постепенно возвращалась к мирной жизни. Престиж де Голля в стране был очень высок. Большинство французов видели в нем освободителя отечества. Председатель Временного правительства стремился представить себя главой всей нации. В действительности он, конечно, тяготел к правому политическому лагерю. Ведь генерал с юных лет воспринял и впитал в себя его важнейшие атрибуты — национализм, католицизм, идею сильного государства. Но правые дискредитировали себя, передав в 1940 году власть Петэну. В движении же Сопротивления, сыгравшем огромную роль в борьбе против нацистов и их пособников, главной составляющей были левые силы — коммунисты и социалисты. Они пользовались в освобожденной Франции большим влиянием. Де Голль, безусловно, не разделял их партийных взглядов. Тем не менее он понимал, что дух времени требует воплотить в жизнь некоторые левые идеи. Именно поэтому генерал еще в Алжире начал сотрудничество с социалистами и коммунистами, включив их сначала в ФКНО, а потом во Временное правительство. Теперь он приступил к проведению во Франции прогрессивных реформ, о которых говорил еще будучи председателем ФКНО.

Прежде всего де Голль подписал закон о национализации. Согласно ему в государственный сектор экономики перешли угледобывающая и газовая промышленность, электроэнергетика, морское судоходство, воздушный транспорт, авиапромышленность, автомобильные заводы «Рено», центральное эмиссионное учреждение — Французский банк, четыре крупнейших депозитных банка, сберегательные кассы, страховые компании. Всем владельцам государство выплатило компенсации. Исключение составил лишь Луи Рено, который активно сотрудничал с оккупантами.

Правительство провело ряд очень важных мероприятий в социальной сфере — восстановило профсоюзные свободы, увеличило в среднем на 50% заработную плату, утвердило оплачиваемые отпуски, ввело систему семейных пособий для многодетных матерей и страхования по болезни, беременности, старости. Впервые во Франции было предоставлено право голоса женщинам на общенациональных выборах.

В течение 1945 года в стране провели чистку государственного аппарата от вишистов. Почти 40 тысяч коллаборационистов приговорили к тюремному заключению, 2 тысячи — к смертной казни. Все министры Виши во главе с маршалом Петэном и Лавалем предстали перед судом по обвинению в государственной измене. Суд приговорил Петэна и Лаваль к высшей мере наказания. Де Голль не вмешивался в судебные заседания и ни разу не присутствовал на их слушаниях. Маршал давно перестал его интересоваться. Однако он помиловал 89-летнего Петэна, заменив ему смертную казнь пожизненным заключением. Лаваль же был расстрелян.

Внешней политике страны де Голль посвящал ничуть не меньше времени, чем внутренней. Он продолжал всеми силами бороться за восстановление международного авторитета Франции. Однако председателя Временного правительства ждали новые разочарования. В феврале 1945 года союзники не пригласили генерала на Ялтинскую конференцию. Там встретились только Сталин, Рузвельт и Черчилль. В отсутствие де Голля они подтвердили, что Франция получит свою зону оккупации Германии и войдет наравне с США, Великобританией и СССР в так называемый Союзный контрольный совет. Франция получила также одно из пяти мест постоянных членов Совета Безопасности формирующейся Организации Объединенных Наций (ООН). Это были явные успехи. И тем не менее главу Временного правительства очень огорчил тот факт, что его не захотели видеть в Ялте, скорее всего по настоянию американского президента. На обратном пути в США Рузвельт сделал остановку в Алжире. Он просил де Голля приехать в алжирскую столицу, чтобы повидаться с ним. Обиженный генерал отказался¹.

Французские подразделения участвовали в последних битвах войны в Европе и дошли до Берлина и Вены. 8 мая 1945 года Франция в лице генерала Жана-Мари де Латра де Тассиньи участвовала в подписании акта капитуляции Германии. Председатель Временного правительства пристально наблюдал за событиями на фронтах и затем следил за развитием ситуации во французской зоне оккупации. 3 июня он писал де Латру де Тассиньи: «Я удивлен, что с момента

окончания военных действий, получил от вас всего несколько отчетов. Прошу вас писать мне ежедневно об администрировании австрийских и немецких территорий силами, находящимися под вашим руководством, о политической и экономической ситуации, о моральном состоянии населения и его отношении к войскам, об атмосфере, царящей в нашей армии, и ее связях с союзниками»².

18 июня в Париже, на холме Валерьен, председатель Временного правительства присутствовал на церемонии, посвященной годовщине его исторического призыва к французам*.

В августе открылась Потсдамская конференция, на которую де Голль тоже не пригласили. Он с горечью отмечал в своем дневнике: «Еще раз все происходит таким образом, что сначала все решают без нас, а потом уже спрашивают нашего согласия, не сомневаясь, что оно поступит»³. Но, конечно, генерал одобрил постановления Потсдамской конференции, одним из которых Францию вместе с США, Англией и СССР ввели в Совет министров иностранных дел. Он был призван решать проблемы мирного урегулирования. В конце августа глава Временного правительства отправился в Соединенные Штаты по приглашению нового президента Гарри Трумэна. 2 сентября от имени Франции генерал Лекерк подписал капитуляцию Японии. В октябре де Голль побывал во французской зоне оккупации Германии.

В Париже председатель Временного правительства продолжал работать в здании военного министерства на улице Сен-Доминик, а жил с семьей в небольшом доме около Булонского леса. В часы отдыха он вел переписку с родными и близкими. Генералу присылали письма и свои произведения известные французские писатели. Он отвечал им, читал некоторые присланные романы, принимал писателей у себя. Де Голль навсегда запомнил фразу Цезаря — «С самых ранних лет я понял, что истинные поэты и историки — лучшее украшение страны» — и был полностью солидарен с великим римлянином. Он по собственной инициативе познакомился с Франсуа Мориаком, Жоржем Дюамелем, Андре Мальро, Жоржем Бернаносом. 5 февраля 1945 года генерал писал Дюамелю: «Подарок вашего замечательного издания “Страсть Жозефа Паскье” — меня очень тронул. Я не утерял вкус к красивым книгам и благодарен вам за то, что вы напомнили мне о их существовании»⁴.

---

* На холме Валерьен во время войны немецкие оккупанты расстреливали участников движения Сопротивления. Проведение там торжественной церемонии стало традицией. Де Голль неизменно председательствовал на ней с 1945 по 1968 год.

В конце 1944 года председатель Временного правительства познакомился с Клодом Мориаком, публицистом, сыном известного писателя. Постепенно они сблизились. Мориак начал постоянно бывать у де Голля (одно время был даже его секретарем), вести записи их разговоров на самые разные темы. Так он стал своего рода «придворным историографом» генерала⁵. «Наши первые встречи с де Голлем, — писал Мориак, — произвели на меня такое впечатление, что любое свидание с ним мне казалось очень важным». И далее он обрисовал портрет генерала: «Этот величественный человек всегда держался на расстоянии и как бы охранял свой престиж. Но лишь только я оставался с ним наедине во время наших бесед, он становился более доступным. Даже если перед ним была тысяча людей, он излучал из себя какое-то сияние, заставлявшее видеть его одного. Подписывая или читая письма, которые я ему давал, он всегда комментировал текст, часто воскрешая в памяти прошлое, своих бывших друзей или красоту девушек ушедших времен. И вот вдруг за незначительными размышлениями неожиданно проскальзывало признание, откровение, ставившее под сомнение самые серьезные государственные дела»⁶. Со временем де Голль позволил приблизиться к нему французскому журналисту Жану-Раймону Турну, который также в течение многих лет вел записи и затем опубликовал их⁷.

Многие писатели, историки, публицисты сами расценивали председателя Временного правительства как «лучшее украшение страны». Ему было посвящено уже несколько десятков книг. В 1944 году о нем написал его старый друг Люсьен Нашен⁸, а известный писатель Поль Клодель посвятил генералу оду⁹. Однако среди французских писателей были и такие, которые в годы оккупации активно сотрудничали с фашистами. При всей своей любви к литературе де Голль считал, что действиям этих людей не может быть оправдания. Когда писателей Робера Бразийяша и Поля Шака суд приговорил к смертной казни, глава Временного правительства не стал заменять ее пожизненным заключением. Еще один известный писатель-коллаборационист Пьер Дрё ля Рошель, не дожидаясь заключения под стражу, покончил с собой.

Общественно-политическая жизнь Франции в 1945 году набирала обороты. Прежде всего это выразилось в возрождении политических партий. Свою деятельность возобновили Французская коммунистическая партия (ФКП) во главе с Жаком Дюкло и вернувшимся из СССР Морисом Торезом

и Социалистическая партия (СФИО), возглавляемая Леоном Блюмом и Ги Молле. На левом фланге Рене Плевеном и Франсуа Миттераном была образована небольшая партия Демократический и социалистический союз Сопrotивления (ЮДСР)*. Вновь стало действовать одно из старейших политических объединений Франции — Республиканская партия радикалов и радикал-социалистов. Одним из его лидеров был Пьер Мендес-Франс.

Традиционные французские правые партии — Демократический альянс и Республиканская федерация, — серьезно дискредитировавшие себя во время войны сотрудничеством с вишистским режимом, фактически прекратили свое существование. Перед французской буржуазией встала задача создания новых политических объединений. В конце 1944 года была образована партия, получившая название Народно-республиканское движение (МРП). Ее основателями стали бывший председатель Национального Совета Сопrotивления Жорж Бидо и соратник генерала де Голля Морис Шуман. На правом фланге появилась также Республиканская партия свободы (ПРЛ).

Де Голль, стремившийся представить себя единственным лидером страны в целом, не хотел создавать собственной партии и не желал, чтобы его отождествляли с каким-либо политическим объединением. Именно поэтому целый ряд его сторонников отошел от него и включился в борьбу внутри различных группировок. Тем не менее были и люди, именовавшие себя голлистами и твердо решившие связать свою дальнейшую судьбу только с де Голлем. Среди них оказались некоторые его министры, соратники по Лондону и Алжиру, участники внутреннего Сопrotивления — Гастон Палевски, Жак Сустель, Андре Дьетельм, Рене Капитан, Мишель Дебре, Жак Шабан-Дельмас, Эдмон Мишле, Луи Терренуар, Жак Бомель, Раймон Трибуле. Постепенно к основному ядру, сложившемуся в годы войны, примыкали новые лица. В 1945 году де Голль познакомился со своим будущим преемником Жоржем Помпиду.

В июле 1945 года Временное правительство приняло решение о всеобщих выборах в Национальное собрание и наметило их на октябрь. Де Голль назначил также на день выборов всеобщий референдум, на котором избирателям

---

* По сложившейся традиции аббревиатура названий политических партий на русском языке повторяет начальные буквы французских слов (см список сокращений). Однако есть исключения, когда русская аббревиатура состоит из начальных букв русского перевода слов, например ФКП

предлагалось ответить на два вопроса. В первом спрашивалось: хотите ли вы, чтобы избранное сегодня собрание было Учредительным? Отрицательный ответ выразил бы желание избирателей вернуться к политической системе Третьей республики, базировавшейся на Конституции 1875 года. Положительное голосование означало бы, что французы ратуют за разработку новой конституции страны. Для тех избирателей, которые намеревались ответить «да» по первому вопросу, имелся второй: хотите ли вы, чтобы государственные власти до введения в действие новой конституции были организованы в соответствии с положениями проекта закона, помещенного на обороте избирательного бюллетеня? Этот проект предусматривал ограничение деятельности Учредительного собрания семью месяцами. Отрицательный ответ означал бы избрание полностью суверенного собрания, положительный — согласие с тем, что собрание займется разработкой новой конституции и получит лишь некоторые законодательные полномочия.

В стране началась первая послевоенная предвыборная кампания. Де Голль и его сторонники призывали ответить положительно на оба поставленных вопроса. Их поддержали социалисты и МРП. В результате на референдуме, прошедшем 21 октября 1945 года, большинство французов ответили «да» и на первый и на второй вопрос.

Одновременно с референдумом по пропорциональной системе прошли выборы в собрание, которое стало Учредительным. На первое место по числу собранных голосов вышли коммунисты, на втором оказалась партия МРП, на третьем — социалисты. Они сформировали в собрании три самых крупных фракции. По существу, в стране возродилась классическая французская республика с ее многопартийной системой, существовавшей с 1875 по 1940 год.

Результатами референдума де Голль был доволен. Он, как и обещал, восстановил в стране демократию и республику. Поступить иначе генерал и не мог. Однако теперь глава Временного правительства и управлять Францией должен был согласно давно установившейся практике совместно с парламентом, а точнее, с заседавшими в нем партиями. Учредительное собрание единогласно предоставило генералу право сформировать новый кабинет. Но тут же возникли и первые сложности. Коммунисты, получившие самое большое число мест в собрании, справедливо потребовали себе одно из трех главных министерств: внутренних дел, иностранных дел или военное. Де Голль был согласен с тем, что в его правительство должны входить представители всех по-

литических сил страны. Однако требование коммунистов он выполнить отказался. Инцидент разрешился путем компромисса. ФКП получила портфель министра вооружений. Его отдал Шарлю Тийону. Но образовали также министерство военных сил, которое возглавил преданный сторонник генерала Эдмон Мишле. Соратники де Голля получили еще несколько портфелей. Одним из четырех государственных министров стал Луи Жакино (остальные трое — коммунист Морис Торез, социалист Венсан Ориоль и Франсиск Гэ от МРП). Жак Сустель был назначен министром колоний, Поль Джакоби — министром народного образования. Пост министра информации глава правительства предложил писателю Андре Мальро. Помимо этого в кабинет вошли еще три коммуниста, четыре социалиста, четыре представителя МРП, два члена ЮДСР и один радикал.

Некоторые известные сторонники де Голля, хотя и не стали членами правительства, заняли ряд важных постов и работали в тесном сотрудничестве с генералом и под его руководством. Шабан-Дельмас трудился в министерстве информации и занимался проблемами возрождения французской прессы. Дебре де Голль поручил разработку административной реформы.

В декабре 1945 года у председателя Временного правительства вновь возник конфликт с собранием, когда на обсуждение депутатам был представлен проект бюджета на следующий год. Социалистическая фракция тут же потребовала сократить на 20% статью военных расходов. Генерала это вывело из себя. Он окончательно понял, что такое управлять парламентской республикой. Через много лет де Голль скажет своему министру Алену Пейрефиту: «Вы даже не можете себе представить, как враждебно были тогда настроены против меня партии»¹⁰. Именно в них генерал видел главное зло. Они привели в 1940 году страну к национальной катастрофе. Потом он в течение нескольких лет невероятными усилиями спасал Францию от позора. И вот теперь эти самые партии указывают ему, как надо руководить страной, оспаривая его решения.

Глава Временного правительства четко осознал, что управлять вместе с политическими объединениями он не сможет. «Иногда, — как говорил Жак Сустель, — когда кто-нибудь оказывал ему устойчивое сопротивление, де Голль на все махал рукой, заявляя: “Пусть они катятся ко всем чертям”»¹¹. Так и случилось на этот раз. Генерал принял решение об отставке. Оставалось только выбрать удобный момент.

НАЕДИНЕ С СОБОЙ

Новый, 1946 год начался для главы Временного правительства хорошо. 3 января он со своими близкими родственниками присутствовал на свадьбе дочери. Элизабет вышла замуж за капитана Алена де Буассьё. В 1940 году он попал в немецкий плен и был интернирован на территорию СССР. Через год молодой военный сумел оттуда бежать и добрался до Лондона, где присоединился к Свободной Франции. Генерал остался доволен выбором дочери. Свадьба Элизабет стала для него поводом повидаться и с сыном, который решил продолжать службу в морской авиации. Филипп проходил стажировку в Соединенных Штатах, но в связи со знаменательным семейным событием вернулся в Париж. Де Голль как бы невзначай бросил сыну: «Буря прошла, и этот несчастный народ возвращается к свинству и слабоволию, которые его в свое время привели к 1940 году. Возможно, я уйду в отставку»¹². Сын удивился. Сразу после свадьбы председатель Временного правительства объявил, что хочет отдохнуть и берет на восемь дней отпуск.

Он уехал с женой, младшим братом Пьером и шурином Жаком Вандру на Средиземное море под Ниццу, в курортное местечко Эден Рок. У моря настроение генерала стало меланхоличным, под стать погоде. Было холодно, дождливо, над водой часто висел туман. Де Голль впервые за много лет надел штатскую одежду. Он неприкаянно ходил вдоль скалистого берега в длинном пальто, в шляпе, с тростью в руке и курил одну сигарету за другой. Может быть, ему вспоминались стихи Поля Верлена, выписанные в дневник еще в молодости:

Il pleure dans mon coeur	Сердце тихо плачет,
Comme il pleut sur la ville;	Словно дождик мелкий.
Quelle est cette langueur	Что же это значит,
Qui pénètre mon coeur? ¹³	Если сердце плачет?*

Глава Временного правительства вернулся в Париж 14 января. 20 января он попросил всех министров собраться на улице Сен-Доминик и сделал заявление об отставке. «Моя миссия окончена, — заявил генерал, — потому что вновь возродился режим преобладания политических партий. Я его отвергаю. Но у меня нет средств помешать этому эксперименту, кроме разве что установления сильной диктатуры, чего я не желаю и что, несомненно, кончилось бы плохо.

* Перевод И. Эренбурга.

Итак, мне нужно уйти. Я сегодня же направлю письмо председателю Национального собрания, извещая его об отставке правительства»¹⁴.

В следующем месяце де Голль писал сыну: «Ты, конечно, поймаешь основные причины, заставившие меня решить дать развиваться установившейся политической практике уже без меня. Нельзя быть одновременно человеком, испытанным бурей, и человеком низких политических комбинаций»¹⁵.

Решение председателя Временного правительства было вполне осознанным. Но на что он рассчитывал? Хотел ли действительно отойти от политики? Естественно, нет. Его приближенные понимали это. Эдмон Мишле писал о надеждах генерала вскоре вернуться к власти¹⁶. Мишель Дебре говорил об уверенности де Голля в том, что его очень быстро опять призовут возглавить правительство¹⁷. Жак Сустель утверждал, что генерал никак не предполагал, что устанавливаемая республика просуществует так долго¹⁸. Так или иначе, но расчеты теперь уже бывшего председателя Временного правительства не оправдались. Призыва к нему не последовало. Социалист Феликс Гуэн сформировал новый кабинет, в который вошли коммунисты, социалисты и представители МРП. Во Франции начался период правления трехпартийной коалиции. А де Голль, спаситель отечества, остался не у дел и стал в свои 55 лет частным лицом, одним из французов.

Пока генерал жил в Париже. Его имение Буассери в Коломбэ-ле-дэз-Эглиз во время войны было разрушено и разграблено. Де Голль взял кредит, чтобы провести там капитальные строительные и отделочные работы. В начале 1946 года они шли полным ходом. В столице генерал снял небольшой особнячок Марли, где поселился с женой и младшей дочерью Анной. На какое-то время он погрузился в семейные дела. В феврале пришла печальная весть о кончине брата де Голля Жака, болевшего почти двадцать лет рассеянным склерозом. В апреле только в кругу родных и близких генерал скромно отметил серебряную свадьбу.

30 мая, наконец, закончились реставрационные работы в Коломбэ и семья перебралась в Буассери. К дому пристроили трехэтажную круглую башенку, на первом этаже которой генерал разместил свой кабинет. Сразу после переезда де Голль заявил жене: «Ивонна, можете радоваться, я здесь надолго». А она ему шутливо ответила: «Шарль, вы достаточно потрудились, пусть теперь другие поработают»¹⁹. Супруги всегда были на «вы». Так же обращались к отцу и дети генерала. Он звал на «ты» только сына, а к дочери Элизабет после ее замужества стал обращаться тоже на «вы».

Политика вовсе не перестала интересовать де Голля. Он самым внимательным образом следил за тем, что происходило в государственных кругах, и отзывался об этом с некоторым пренебрежением. «Посмотрите на собрание, — говорил генерал своему личному адъютанту Клоду Ги. — Ни единого человека, который бы заботился об общем интересе. Ни одного, кто защищал бы Государство. Все наоборот. Так как депутаты и даже министры не могут возражать себе самим или собственной партии, они набрасываются на своих коллег и другие партии, а главное — на Государство или на тех, кто его представляет, — высокопоставленных чиновников, дипломатов, генералов»²⁰.

Особенно пристально де Голль наблюдал за тем, как Учредительное собрание занимается разработкой основного закона Франции. Оно еще в апреле одобрило проект конституции, которая отводила преобладающее место в жизни страны однопалатному парламенту, обладающему широкими полномочиями и контролировавшему деятельность правительства. Этот же парламент должен был избирать президента республики, не имеющего реальной власти. Однако 5 мая на всеобщем референдуме французы незначительным большинством в 52% отвергли проект. Де Голля это обрадовало.

Вскоре из Коломбэ он известил своих сторонников, что считает нужным представить стране собственный конституционный проект. Для этого было быстро найдено определенное место и время. Местом стал небольшой нормандский городок Байё, тот самый, который союзники два года назад первым освободили от захватчиков и куда прибыл де Голль. Датой стало 16 июня, так как шесть лет назад именно в этот день начиналась уже вошедшая в историю лондонская эпопея генерала.

Бывший председатель Временного правительства прибыл в Байё в прекрасный летний день. Город встретил его цветами, звоном колоколов, развевающимися на ветру национальными флагами. В окружении своих соратников, генералов Леклерка, Кёнига, Жуэна, адмирала Тьерри д'Аржанлье, Мориса Шумана, Жака Сустеля, Рене Капитана, Андре Мальро, де Голль присутствовал на торжественной мессе и затем отправился на главную площадь города. Жители встретили его овацией. Со всех сторон раздавались крики «Де Голля к власти»²¹. Перед собравшимися генерал произнес речь, в которой сформулировал свою конституционную идею. Она заключалась в том, что исполнительную и законодательную власти надо разделить и что самые широкие полномочия нужно отдать главе государства. «Именно его миссия — подчеркивал де Голль, — назначать министров и прежде всего

премьер-министра, возглавляющего политику и работу правительства. Глава государства должен утверждать законы и принимать декреты, потому что именно посредством их на граждан возлагается ответственность по отношению к государству, он обязан возглавлять заседания совета министров и таким образом постоянно осуществлять свое влияние, без которого нации не обойтись. В его компетенцию нужно включить функцию арбитра в различных политических ситуациях. Он может их выполнять посредством консультаций или, в сложных условиях, вынести свое суверенное решение на референдум. Наконец, ему должно принадлежать право, если его отечество находится в опасности, быть гарантом национальной независимости и пактов, заключаемых Францией». В конце своей речи де Голль напомнил, как древние греки спрашивали у мудрого Солона: «Какая конституция самая лучшая?», а он им отвечал: «Скажите сначала, для какого народа она предназначена и для какой эпохи?»²² Само собой разумеется, что для своего народа в данную эпоху генерал считал лучшим проект, предложенный им самим.

Речь де Голля была услышана по всей стране. Она широко комментировалась по радио, ее опубликовали многие крупные периодические издания. Но обратило ли на нее должное внимание Учредительное собрание? Генерал рассчитывал на поддержку своих конституционных идей со стороны партии МРП. Однако этого не произошло. Народно-республиканское движение совместно с другими партиями разработало новый проект конституции, который явился результатом компромисса между коммунистами, социалистами и самого МРП. Согласно этому проекту, парламент делился на две палаты — нижнюю, Национальное собрание, и верхнюю, Совет республики (или сенат). В руках первой палаты была по существу сосредоточена вся власть. Именно она принимала законы и контролировала деятельность правительства. Президенту республики, выбираемому на семь лет косвенным голосованием (коллекцией выборщиков), отводились второстепенные функции. На 13 октября был назначен всеобщий референдум, на который выносился новый проект.

Безоговорочно защищать и отстаивать конституционные идеи, выдвинутые де Голлем в Байё, взялся только созданный осенью 1946 года Рене Капитаном Союз голлистов. Однако к нему присоединились лишь самые преданные сторонники генерала. Внушительным политическим объединением он стать не смог. К тому же сам де Голль открыто не поддерживал Союз, предпочитая по-прежнему оставаться «надклассовым» арбитром и не желая отождествлять себя с каким бы то ни было политическим объединением.

Только от своего имени генерал выступил с резкой критикой новой конституции и призвал избирателей ответить «нет». Тем не менее 52,5% участвовавших в голосовании французов высказались положительно. 27 октября конституция вступила в силу. 10 ноября прошли выборы теперь уже в Национальное собрание Франции. Большого успеха вновь добились коммунисты, социалисты и МРП. У власти продолжала оставаться трехпартийная коалиция. Так начала свое существование Четвертая республика. Она была, как и предыдущая Третья, парламентского типа правления и мало чем отличалась от нее.

Произошедшие политические перемены раздосадовали де Голля. Франция шла вперед без него, а он окончательно стал частным лицом. Генералу прислали анкеты, которые он должен был заполнить, чтобы получать пенсию. Бывший председатель Временного правительства числился в них как полковник. Его же не успели в 1940 году утвердить в звании генерала. Де Голль только покачал головой. Он отказался заполнять анкеты и сказал близким, что никогда ни при каких обстоятельствах не будет получать государственной пенсии²³. А между тем финансовое положение семьи де Голлей было весьма скромным. Генерал унаследовал от матери ферму на севере Франции. Ивонне от родителей тоже досталась ферма. Но в годы послевоенной разрухи они не приносили никакого дохода. Пришлось брать кредиты и иногда даже продавать фамильные вещи²⁴.

Жизнь в Буассери шла спокойно, размеренно. Де Голль вел переписку, читал, гулял, как всегда, очень много курил. Одним из его излюбленных занятий стало раскладывание пасьянса на небольшом ломберном столике. Оживление в доме наступало, когда в Коломбэ приезжали дочь или сын генерала. Тогда за обедом разговор обязательно заходил о политике. Бывшему председателю Временного правительства все давали советы. «Папа, — говорил ему Филипп, — вы должны создать собственную партию». А жена твердила: «Нет, нет, Шарль, не соглашайтесь. Как только вы наведете в лавочке порядок, вас предадут». — «Ивонна, — бурчал в ответ генерал, — вы рассуждаете как ребенок»²⁵.

В 1946 году де Голль задумал писать «Военные мемуары». Он обсуждал их замысел с Франсуа Мориаком. Бывший глава Временного правительства вознамерился изложить свои достижения, создать собственную легенду. Осенью он начал писать. Генерал работал необычайно вдумчиво и тщательно. «Он, — как вспоминал Клод Ги, — писал часами напролет, что-то расшифровывая, переписывая, зачеркивая, вновь начи-

ная. Обдумывая или записывая какое-нибудь выражение, он играл, передвигая пальцами, со своей вечной сигаретой, обводил кончики букв, расставляя перекладинки на “т”, штриховал зачеркивания. И вот, наконец, в его голове складывалась совершенная фраза, лаконичная, звонкая как звук трубы»²⁶.

Мемуары де Голля открывались его размышлениями о Франции: «За годы моей жизни я составил собственное представление о Франции. Оно порождено как разумом, так и чувством. В моем воображении Франция предстает как страна, которой, подобно сказочной принцессе или мадонне на старинных фресках, уготована необычайная судьба. Инстинктивно у меня создалось впечатление, что провидение предназначило Францию для великих свершений или тяжких невзгод. А если тем не менее случается, что на ее действиях лежит печать посредственности, то я вижу в этом нечто противоестественное, в чем повинны заблуждавшиеся французы, но не гений самой нации.

Разум также убеждает меня в том, что Франция лишь тогда является подлинной Францией, если стоит в первых рядах; что только великие деяния способны избавить Францию от пагубных последствий индивидуализма, присущего ее народу; что наша страна перед лицом других стран должна стремиться к великим целям и ни перед кем не склоняться, ибо в противном случае она может оказаться в смертельной опасности. Короче говоря, я думаю, что Франция, лишенная величия, перестает быть Францией»*.

Когда генерал работал над этими строками, его сыну вручили орден Почетного легиона. 2 декабря 1946 года де Голль писал Филиппу: «Поздравляю тебя с получением ордена Почетного легиона. Будь уверен, что как отец я горжусь, что ты удостоен такой награды. Ты заслужил ее своей отвагой в боях так же, как твой дед в войне 1870 года и отец в войне 1914—1918 годов. Но из нас троих ты стал кавалером ордена в самом молодом возрасте. Такова судьба нашей гордой и благородной французской семьи, которая сливается с судьбой самой Франции»²⁷.

ОБЪЕДИНЕНИЕ ФРАНЦУЗСКОГО НАРОДА

В начале 1947 года де Голль в Коломбэ, казалось, еще больше погрузился в работу над мемуарами. Он, как всегда, и много читал. Сейчас генерал с удовольствием перечитывал

---

* Перевод В. И. Антюхиной-Московченко.

«Замогильные записки» Шатобриана. Он цитировал фразу писателя: «Отчизна, я прошу для себя немного славы, но лишь для того, чтобы приумножить твою»²⁸. Мысли о современном положении отечества не покидали де Голля. 7 января в письме Элизабет де Мирибель он отмечал: «Сейчас наблюдается закат изнуренной Франции, хотя мы всеми силами пытались предотвратить это. Теперь мы ушли и свернули наш парус. И все-таки глубокий источник не иссяк, просто пока есть препятствия, которые не дают ему выбиться наружу. Да, многие французы отказались от величия, но Франция помнит его и мечтает о нем»²⁹.

Ближайшие события показали, что де Голль главным образом и заботило, как вернуть стране ее величие. 2 февраля 1947 года генерал сказал Клоду Мориаку: «Я очень страдаю от того, что Франция находится в таком состоянии... Я попробую создать Объединение»³⁰. Бывший председатель Временного правительства решил действовать. Раз французы не выступают с призывом к нему, он сам призовет их на бой с ненавистной Четвертой республикой. Де Голль пригласил в Коломбэ своих верных соратников Жака Сустеля, полковника Реми, Андре Мальро, Гастона Палевски, Жака Бомеля, Мишеля Дебре и заявил им, что хочет создать и возглавить объединение, имеющее целью бороться за возрождение Франции и против ее пагубной политической системы³¹. Вскоре они, выполняя поручение генерала, совершили ряд поездок по Франции и оповестили бывших участников движения Сопrotивления о том, что де Голль готовит создание объединения, и подали это событие как повторение призыва 18 июня³².

Бывший глава Временного правительства решил создать не политическую партию, а именно объединение, имеющее как бы надклассовый характер и включающее в себя все компоненты французской нации. Основание новой голлистской организации было провозглашено в несколько этапов весной 1947 года. 30 марта де Голль выступил в нормандском городке Брюневаль. Туда съехались почти 50 тысяч человек. В окружении своих соратников — адмирала Тьерри д'Аржанлье, генерала Лармина, полковника Реми, Сустеля, Мишле, Шумана — генерал произнес речь. В ней он отдал дань событиям прошедшей войны, но в заключение в одной несколько замысловатой фразе сказал самое главное: «Настанет день, когда огромное количество французов объединится, чтобы отвергнуть бесполезные политические игры и реформировать плохое устройство, при котором нация сбивается со своего пути, а государство деградирует»³³.

Через неделю, 7 апреля, де Голль уже в Страсбурге. Он прибыл туда на празднование второй годовщины освобождения Эльзаса от немецких захватчиков. В эльзасскую столицу, так же как и в Брюневаль, съехалось много народа со всей страны. Все гостиницы города и окрестностей были переполнены. Генерал прибыл вместе с Мальро, Сустелем, Палевски, Шабан-Дельмасом, Мишле, Капитаном, Дьетельмом. Днем с балкона городской ратуши он выступил перед огромной толпой собравшихся. На этот раз его речь носила политический характер. Де Голль выразил свое отрицательное отношение к Конституции 1946 года, подверг критике деятельность правительств Четвертой республики и выдвинул программу действий с целью изменения французской политической системы и установления «сильной власти». В конце выступления бывший глава Временного правительства заявил: «Настало время, чтобы было создано Объединение французского народа, которое смогло бы осуществить и заставить восторжествовать над различными мнениями большой порыв всеобщего блага и коренную реформу государства. Таким образом, в ближайшем будущем, объединяя волю и действие, Французская республика создаст новую Францию»³⁴.

Официальное заявление об образовании своей организации де Голль сделал 14 апреля. В опубликованном коммюнике говорилось: «Сегодня создано Объединение французского народа. Я взял на себя руководство им. Его цель — обеспечить, пренебрегая всякими разногласиями, единство нашей нации в ее стремлении к возрождению и преобразованию государства. Я приглашаю присоединиться ко мне и моему объединению всех француженок и французов, которые хотят быть вместе... как они это уже сделали один раз для освобождения и победы Франции»³⁵.

Еще через десять дней в Париже генерал выступил на пресс-конференции. В течение двух часов он отвечал на вопросы журналистов. Они касались различных политических проблем — государственных институтов, политических партий, избирательного закона, финансовой, экономической и международной политики Франции. Но главный вопрос, который интересовал всех, касался, конечно, Объединения французского народа (РПФ), его сущности и будущей деятельности. Де Голль подтвердил, что основной задачей объединения будет борьба за реформу конституции в духе предложений, высказанных в Байё³⁶. Так он бросил вызов Четвертой республике и вступил на путь открытой борьбы за воплощение в жизнь своих идей.

Летом и осенью 1947 года РПФ развернуло активнейшую пропагандистскую деятельность. Сторонники де Голля организовывали по всей стране митинги и манифестации. Бывший председатель Временного правительства почти неизменно на них присутствовал. В течение нескольких месяцев он исколесил всю Францию.

В РПФ вошли многие известные соратники де Голля — Рене Капитан, Жак Шабан-Дельмас, Мишель Дебре, Эдмон Мишле, Луи Терренуар, Раймон Дронн, Лео Амон, Кристиан Фуше, Раймон Трибуле, Леон Ноэль, Андре Асту, Роже Фрей. К объединению примкнули также некоторые деятели французской науки и культуры — писатели Поль Клодель, Андре Мальро, Жан Амруш, политолог Раймон Арон, профессора Марсель Прело и Марсель Валин. Во всех департаментах страны были организованы инициативные комитеты. Через них желающие могли вступить в ряды объединения. «Невозможно описать, — вспоминал Андре Асту, — что происходило в каждом департаменте, в каждом населенном пункте. Энтузиазма было где-то больше, где-то меньше, организовано все где-то лучше, где-то хуже, число вступающих в РПФ везде разнилось. Однако повсюду объединение сразу заявило о себе как о политической силе, с которой нельзя было не считаться»³⁷. К концу лета РПФ уже насчитывало в своих рядах миллион человек.

В августе 1947 года усилиями голлистов в Национальном собрании была образована так называемая интергруппа. В нее вступил 41 человек — депутаты МРП, партии радикалов, ЮДСР и ПРЛ, заявившие о своем положительном отношении к идеям и деятельности де Голля.

В середине 1947 года важнейшие изменения произошли в международной ситуации, выразившейся в резкой конфронтации между СССР и его бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции. Начиналась эпоха «холодной войны». Франция быстро втянулась в процесс размежевания политических сил в Западной Европе. Ее сильная и сплоченная коммунистическая партия пользовалась большим влиянием. Она была частью международного коммунистического и рабочего движения, следовавшего указаниям Сталина. Такое положение дел в условиях разворачивающейся «холодной войны» резко изменило отношение правящих кругов Франции к коммунистам. В мае 1947 года премьер-министр страны социалист Поль Рамадье вывел их из состава своего кабинета. Де Голль присоединился к антикоммунистической кампании. Он назвал представителей ФКП «сепаратистами» и обвинил их в том, что они предают инте-

ресы своей страны³⁸. Впрочем, почти так же генерал отзывался и о политиках, стоящих у власти. Когда осенью 1947 года во Франции было образовано правительство «третьей силы»*, состоявшее из членов МРП, радикалов и социалистов, де Голль тут же назвал его «кораблем без кормчего»³⁹.

В сентябре 1947 года в стране началась подготовка к муниципальным выборам. Глава РПФ еще весной заявил, что его объединение будет участвовать во всех выборах страны. Поэтому голлисты развернули активную кампанию. Генерал считал необходимым выставить кандидатов РПФ в каждом округе. В канун выборов он огласил послание избирателям, в котором призывал голосовать только за представителей его объединения, чтобы «преградить путь опасности, угрожающей изнутри и извне; положить конец беспорядку, ведущему к несчастью; осуществить, исходя из справедливости ко всем и уважая право каждого, всеобщее стремление к французскому возрождению; сделать государство беспристрастным и сильным, способным оберегать французов от бед и нищеты; идти к спасению вместе, одним потоком, с одним сердцем»⁴⁰.

Результаты выборов, прошедших в октябре 1947 года, превзошли все ожидания. Сам де Голль назвал их «триумфальными». Объединение опередило все политические партии страны и собрало около 40% голосов избирателей. Голлисты одержали победу в тринадцати крупнейших городах Франции, в том числе Париже, Марселе, Бордо, Лилле, Страсбурге, Нанси, Реймсе, Гренобле. В столице муниципальный совет возглавил младший брат генерала Пьер де Голль, мэром Бордо стал Жак Шабан-Дельмас.

27 октября глава РПФ сделал заявление, в котором подчеркнул, что, «по его мнению, нынешнее Национальное собрание должно быть как можно скорее распущено. ...В любом случае Объединение французского народа будет следовать поставленной перед ним задаче. Открытое для всех, кто хочет служить Франции, оно станет непременно расширять свои ряды и организовываться для того, чтобы при любых обстоятельствах обеспечить спасение нации»⁴¹.

Заявление де Голля не встретило ни малейшего энтузиазма в правящих кругах страны. На его требование распустить Национальное собрание никто не посчитал нужным откликнуться. В результате, несмотря на большой политический успех, взять Четвертую республику первым штурмом не уда-

---

* «Третья сила» — имелось в виду, что в нее входили не коммунисты и не голлисты, а третья, коалиционное объединение.

лось. Но в голлистских кругах никого это особенно не огорчило. Победа на выборах настолько воодушевила сторонников генерала, что они жили ожиданием власти и рассчитывали получить ее в самом ближайшем будущем. И сам де Голль полагал, что режиму не обойтись без него, и политические деятели Франции будут вынуждены призвать его на помощь.

Конец 1947-го — начало 1948 года были омрачены для де Голля двумя печальными событиями. В ноябре его ближайший сподвижник военных лет генерал Леклерк погиб в Алжире в авиационной катастрофе. Бывшего главу Временного правительства потрясла эта трагедия.

В феврале в Коломбэ умерла младшая дочь де Голля Анна, которой едва исполнилось двадцать лет. Генерал очень переживал ее кончину. В ответ на присланные соболезнования он писал своему старому другу Люсьену Нашену: «Наша бедная девочка была, увы, ребенком без будущего. Но именно поэтому мы бесконечно любили Анну»⁴². На ее похоронах де Голль сказал жене: «Не плачьте, Ивонна, теперь она стала такой, как все»⁴³. Генерал с супругой приняли решение основать Фонд Анны де Голль. Они купили в городке Милон-Ла-Шапель, в департаменте Ивелин в Центральной Франции небольшой обветшалый замок. Пришлось опять взять кредит. Правда, сразу поступили и многочисленные финансовые пожертвования. Замок быстро отремонтировали, и в нем был устроен интернат для умственно отсталых детей. Первые постояльцы появились в Милон-Ла-Шапель уже в конце 1948 года*.

Генерал ощущал, что без этой беспомощной больной девочки его дом опустел. Сын приезжал редко. В конце декабря 1947 года он женился на Генриэтте де Монталамбер, с которой поселился в портовом городе Йер в департаменте Вар на юго-востоке страны. Он стал профессиональным офицером морской авиации и служил в эскадрилье Морской школы. Свои увольнительные Филипп с молодой женой всегда стремился проводить у родителей в Коломбэ. Повидаться с Элизабет генерал имел возможность только раз в год. Ее муж, военный, Ален де Буассье получил назначение в столицу Конго Браззавиль. Семья приезжала во Францию лишь во время отпуска. Де Голль всегда очень радовался встречам с детьми в родном Буассери.

В начале 1948 года генерал написал несколько инструкций по организационному устройству РПФ⁴⁴. Они были по-

---

* Фонд Анны де Голль действует по сей день.

ложены в основу структуры объединения, которая носила явно авторитарный характер. Как некогда в Свободной Франции, в Объединении французского народа все было подчинено власти лидера.

«Руководство объединением осуществляет председатель»⁴⁵. Такова первая фраза раздела об управлении РПФ. И действительно, только де Голль руководил им, удерживая в своих руках всю полноту власти. Он назначал генерального секретаря и членов исполнительного комитета, давал всем им инструкции и решал, каким конкретным видом деятельности каждый из них должен заниматься. Пост генерального секретаря РПФ получил Жак Сустель. В исполнительный комитет входили Жак Бомель, Гиен де Бенувиль, Ален Бозель, Андре Дьетельм, Кристиан Фуше, Андре Мальро, Леон Мазо, Гастон Палевски, Жан Помпеи, полковник Реми, Жак Сустель, Луи Пастёр Валлери Радо и Луи Валлон.

Заседания исполнительного комитета проходили раз в неделю, обычно по средам, в главной ставке РПФ на улице Сольферино-5. Де Голль всегда председательствовал. Он продолжал жить в Коломбэ, но каждую неделю приезжал в Париж. Генерал останавливался в одной и той же гостинице «Ла Перуз» недалеко от площади Звезды и уже оттуда отправлялся в ставку объединения.

Председатель появлялся всегда вовремя, здоровался со всеми присутствующими за руку, после чего сразу приступали к обсуждению намеченной повестки дня. «Генерал разговаривал с нами, — вспоминал Леон Ноэль, — очень просто и непринужденно. Иногда он был ироничен и даже язвителен, но его оценки всегда отличались ясностью и строгостью, особенно когда дело касалось анализа какой-либо ситуации. Он всегда как бы объявлял свои суждения с проникновенностью Монтескье или Токвиля, а порой так красноречиво и с такой богатой экспрессией выражений, что напоминал Боссюэ или Шатобриана. Бывало, что, прежде чем изложить свою позицию, он сначала спрашивал каждого из нас, что мы об этом думаем»⁴⁶.

Руководители РПФ поделили всю страну на особые регионы, которые примерно совпадали с историческими областями Франции. Во главе каждого из них стоял региональный делегат, назначаемый центром. Один раз в месяц председатель и генеральный секретарь вызывали всех делегатов в Париж. Каждый из них делал месячный отчет и получал инструкции. Директивы всегда были очень четкими. Никакой самодеятельности не допускалось. Нужно было только правильно выполнять задачи, поставленные руковод-

ством. Недаром голлист Жак Дебю-Бридель писал: «Какими бы ни были рвение, талант и достижения региональных делегатов, их роль сводилась лишь к тому, чтобы поддерживать и раздувать пламя, которое разжег генерал»⁴⁷.

Де Голль и сам постоянно «подбрасывал дрова» в очаг своего нового дома, именуемого Объединение французского народа. Он почти каждый месяц отправлялся в поездки по стране, присутствуя на съездах, пленумах и митингах РПФ, проходивших в обстановке большого воодушевления и собиравших порой многие тысячи людей. Генерал всегда появлялся в окружении приверженцев и обязательно произносил пылкую речь, клеймя позором нынешнюю политику Франции. Вслед за ним, как правило, выступал кто-нибудь из членов исполнительного комитета. Часто это был Андре Мальро. Своими вдохновенными, торжественными, импровизированными речами писатель буквально завораживал слушателей. «Мы с вами вместе с генералом де Голлем, — восклицал писатель, — потому что из его уст прозвучал голос Франции из самого глубокого безмолвия, и сейчас, когда зазвучали ваши первые аплодисменты, мне показалось, что я услышал, как в тишине забило большое уснувшее сердце, которое все считали сердцем Франции и уже не надеялись, что оно когда-нибудь пробудится»⁴⁸.

Для председателя РПФ и его сподвижников быстро пролетел 1949 год, сменившийся 1950-м. Голлисты поняли, что добиться досрочного роспуска Национального собрания им не удастся. Поэтому им ничего не оставалось, как набраться терпения и ждать следующего 1951 года с его очередными выборами в нижнюю палату парламента. Пока же де Голль и его сторонники, помимо практической деятельности, занялись и теоретической работой.

Именно в конце 40-х — начале 50-х годов окончательно сложилась идеология голлизма, которая стала крупнейшим идейно-политическим течением современной Франции. Она состояла из внутривполитических, внешнеполитических и социально-экономических взглядов.

Главным стержнем внутривполитических воззрений де Голля была идея «сильного государства». Генерал неоднократно говорил о том, что во главе Франции он хотел бы видеть наделенного широкими полномочиями, независимого от партий президента республики. Председатель РПФ, разрабатывая эту концепцию, специально изучал труды французских и зарубежных правоведов. Ее также развили многие голлисты — Мишель Дебре, Жак Сустель, Жорж Помпиду, Жак Шабан-Дельмас, Рене Капитан.

Внешнеполитическая доктрина голлизма базировалась на идее «национального величия» Франции. Де Голль считал, что французской нации совершенно необходимо осознать свое величие, могущество и авторитет. Для этого внешняя политика Франции всегда должна быть направлена на защиту ее национальных интересов.

Социально-экономическая концепция голлизма разрабатывалась в духе реформизма. Необходимость в проведении социальной политики де Голль почувствовал на завершающих этапах войны и в первые послевоенные годы, когда во Франции наблюдался мощный подъем народно-демократических сил и широкие слои трудящихся и интеллигенции требовали демократических преобразований во французском обществе. Разрабатывая социально-экономическую доктрину, генерал и его сторонники выдвинули идею «ассоциации труда и капитала», то есть установления системы, объединяющей лиц, обеспечивающих работу предприятия. Занимались ее развитием так называемые левые голлисты — Рене Капитан, Луи Валлон, Лео Амон. По их мнению, «ассоциация» была бы единственным решением, позволяющим отмежеваться от традиционных капитализма и социализма. В ее основе лежал контракт, заключаемый между главами предприятий (представителями капитала) и персоналом (трудящимися). Подписывая его, наемный работник становился своеобразным акционером, чей вклад (труд) уравнивался по важности и значению с вкладом капитала, а вознаграждение в той или иной мере зависело от производительности и прибылей.

Отношения де Голля с подчиненными по РПФ складывались не всегда легко. Он, как и во время войны, не терпел никаких возражений своим действиям и суждениям. Мало того, без его ведома голлисты не принимали ни одного важного решения. Если случалось так, что было необходимо срочно что-то предпринять, а генерал не находился в это время в Париже, то приходилось ехать к нему в Коломбэ. Телефону не доверяли. «За каждым “да” и за каждым “нет”, — писал Жак Сустель, — нужно было пускаться в нескончаемое путешествие»⁴⁹. Горе тому, кто этим пренебрегал. Де Голль не прощал своим соратникам, если они делали то, что ему не нравилось, или даже думали не так, как он.

В апреле 1950 года у председателя произошел конфликт с одним из его сподвижников времен войны, полковником Ремми. Тот написал в журнале «Каррефур» статью, в которой заявил, что де Голль был мечом Франции, а Петэн — ее щитом. Генерал возмутился подобным сравнением. Поставить в

один ряд его, вопреки всему продолжавшего борьбу, и предателя национальных интересов, обречшего свой народ на порабощение! Прочитав статью, председатель РПФ процитировал фразу Тита Ливия: «Рабство всегда обходится гораздо дороже, чем война»⁵⁰. 13 апреля 1950 года он написал Реми:

«Мой дорогой друг,

Для меня в этом деле есть три вещи.

Первое — это моя дружба, мое уважение, мое восхищение Реми. Это нерушимо. Здесь нет никаких вопросов.

Второе — это позиция, которую вы публично заняли по отношению к Виши и Свободной Франции. Она не совпадает с моей. Мы как-нибудь поговорим об этом.

Третье — это то, как вы действовали. Учитывая, что вы входите в исполнительный комитет и у меня с вами сложились доверительные отношения, вы не должны были публиковать статью на такой сюжет, не переговорив предварительно со мной.

Вот так, ну а дальше пусть все идет своим чередом...»⁵¹

Реми не стал вступать с де Голлем в дискуссию, но ряды РПФ покинул.

В семье де Голль был совсем другим. Его отношения с женой, детьми, братьями, многочисленными племянниками, родными жены всегда отличались теплотой. В Коломбэ «царствовала» Ивонна. Генерал подчинялся установленному ею распорядку дня, всегда вовремя появляясь из кабинета или библиотеки в столовой к завтраку, обеду и ужину. Председатель РПФ не стал возражать, когда в доме поселился ангорский котенок Пусси, носившийся по комнатам за какой-нибудь ленточкой или бумажным шариком и играющий своими маленькими лапками со шнурками ботинок генерала⁵². Ивонна очень хотела, чтобы ее муж бросил курить. И де Голль сделал это в 1948 году. Ему было трудно. Генерал повторял: «Мне говорили, что из-за табака я стал плохо видеть. И я перестал курить. С глазами все осталось по-прежнему. Так что я напрасно лишил себя удовольствия»⁵³.

В конце 40-х годов де Голль с женой несколько раз ездил в имение ее родителей Сетфонтэн. Теперь им владел младший брат Ивонны Жан. Генерал не участвовал в традиционной устраиваемой там облавной охоте, но с удовольствием общался с родными жены и вспоминал проведенные здесь дни молодости. Однажды в Сетфонтэн он прочитал стихи Анны де Ноай*, которые записал в свой дневник именно здесь в далеком 1924 году:

---

* *Ноай, Анна де* (1876—1933) — французская писательница и поэтесса.

Pourtant, un jour, de moi, tu t'en iras, jeunesse,
Tu t'en iras portant l'amour entre tes bras
Je souffrirai, je pleurerai, tu t'en iras...
Jusqu'à ce que plus rien de toi ne m'apparaisse⁵⁴.

И вот однажды, молодость, покинешь ты меня,
Уйдешь и унесешь с собой любовь,
Страдать я буду, плакать без тебя,
Но даже твой осколочек не возвратится вновь*.

НАДЕЖДЫ И РАЗОЧАРОВАНИЯ

Приближался 1951 год, на который председатель РПФ и его сторонники возлагали большие надежды. В стране должны были состояться очередные парламентские выборы. Еще в октябре 1950 года де Голль писал сыну: «Франция по-прежнему близка к банкротству, потому что ею управляют люди, которые не в состоянии действовать. Я надеюсь, что наше движение на выборах докажет, что перемены состоятся»⁵⁵.

Председатель РПФ, генеральный секретарь и члены исполнительного комитета самым серьезным образом начали предвыборную кампанию. В особой инструкции де Голль подчеркивал: «Грядущие парламентские выборы имеют для страны жизненно важное значение. Они должны завершиться приходом к власти Объединения французского народа. Поэтому нам необходимо добиваться сплоченности всех тех, кого выберут, потому что режим, который мы хотим изменить, сделает все, чтобы их разобщить... Нам нужно очень тщательно отбирать кандидатов»⁵⁶.

За пять месяцев предвыборной кампании председатель РПФ лично посетил более половины департаментов страны. Все шло хорошо. Но режим, действительно, сделал все, чтобы осложнить голлистам путь к власти. В апреле 1951 года Национальное собрание приняло новый избирательный закон, предусматривающий отказ от пропорциональной системы выборов и введивший голосование по мажоритарной системе с правом аппаратирования**.

Введение нового закона вызвало замешательство в рядах РПФ. Де Голль был принципиальным противником любых

---

* Перевод автора.

** Аппаратирование — возможность различных партий заключать соглашения и суммировать полученные голоса при подсчете результатов выборов с целью получения дополнительных парламентских мандатов.

соглашений с политическими партиями страны и решительно отказался от аппаратирования. Однако некоторые голлисты, в том числе члены исполнительного комитета, воспротивились такому решению. Они понимали, что, заключив предвыборные союзы, объединение явно получило бы больше мандатов. Так в рядах РПФ возник первый серьезный конфликт. Председатель с присущей ему твердостью настоял на своем. Объединение не воспользовалось правом аппаратирования.

В результате парламентских выборов, прошедших в июне 1951 года, РПФ собрало чуть более 22% голосов избирателей и получило 118 мандатов в Национальное собрание. Коммунисты заняли 103 места, социалисты — 104. Радикалы получили 94 мандата, Народно-республиканское движение (МРП) — 85. Еще 98 мест заняла недавно образованная правая партия Национальный центр независимых и крестьян («независимые»). Такое собрание быстро окрестили шестигранным.

Хотя РПФ и вышло на первое место по числу полученных мест, его результаты были далеки от ожидаемых. Сам де Голль с сожалением отмечал, что надеялся на лучшие⁵⁷. Генерал был разочарован, но не сломлен. В письме к сыну он замечал: «У нас в новой палате 118 мест. Если бы не махинации с аппаратированием, мы бы получили еще 35. Но, исходя из того, что есть, мы будем продолжать и расширять наше дело. Я тверд в моем намерении. Другого возможного выхода для нации нет. Нужно создавать политическое окаямление Франции, которое заменит систему партий»⁵⁸.

В действительности после выборов РПФ оказалось в сложном положении. С одной стороны, оно имело самую большую группу в Национальном собрании и таким образом вполне могло претендовать на власть. На пресс-конференции 22 июня 1951 года де Голль прямо заявил: «Именно Объединению французского народа, следуя демократическим принципам и руководствуясь национальными интересами, необходимо принять на себя основную ответственность в руководстве французской политикой. Да, именно мы должны возглавить новое правительство и мы к этому готовы... Мы согласимся управлять со всеми, кто захочет нам помочь»⁵⁹. С другой стороны, председатель РПФ отказался возглавить коалиционное правительство на паритетных началах. В результате главой кабинета стал Рене Плевен. Новая правительственная комбинация, состоявшая из нескольких партий, вскоре получила название правоцентристский блок. РПФ же со своими 118 мандатами продолжало оставаться в оппозиции.

Внутри голлистского объединения после выборов произошли кадровые перестановки. Жака Сустеля, ставшего депутатом, де Голль попросил выполнять обязанности председателя парламентской группы, а генеральным секретарем РПФ назначил Луи Терренуара.

Следуя давно выработанной генералом тактике, РПФ продолжило в парламенте критику «слабого режима» с его бесконечной сменой кабинетов и придерживалось в Национальном собрании строгой дисциплины голосования. Однако очень скоро депутаты голлистского объединения начали выражать недовольство этим. Уже в августе Жак Сустель вместе с Андре Дьетельмом и Гастоном Палевски ездили к генералу в Коломбэ, чтобы обсудить вопрос о свободе голосования⁶⁰. Де Голль отказался ее предоставить депутатам, а заодно и сенаторам-голлистам. Он продолжал твердо держаться линии, отвергающей какие-либо соглашения с политической системой Четвертой республики. Пришлось подчиниться. Тем не менее недовольство среди депутатов, почувствовавших возможность интегрироваться в систему и получить от нее различные выгоды, например правительственные посты, нарастало. Выступить открыто против тактики председателя никто пока не смел. Но в голлистских кругах проблема отказа от дисциплины голосования все время муссировалась.

В начале 1952 года де Голль пребывал в несколько подавленном состоянии духа. Оба его глаза поразила катаракта. Левым он уже почти ничего не видел. Председатель РПФ понимал, что операция неизбежна. Впервые в жизни он почувствовал, что возраст дает о себе знать. В середине января генералу пришла в голову мысль написать завещание. До конца своих дней он не внес в него ни одной поправки. «Я хочу, — писал де Голль, — чтобы меня похоронили в Коломбэ-ле-дэ-Эглиз... рядом с моей дочерью Анной, там, где однажды будет похоронена и моя жена. Надпись: Шарль де Голль (1890—....). И ничего другого. Я не хочу национальных похорон. Не должно быть ни президента, ни министров... Присутствовать могут лишь представители армии, но только сами по себе... без музыки и фанфар...»⁶¹

От грустных мыслей де Голля отвлекли новые разногласия со сторонниками. В январе после очередного правительственного кризиса президент Франции социалист Венсан Ориоль пригласил к себе в Елисейский дворец главу парламентской группы РПФ Жака Сустеля и предложил ему начать консультации с целью формирования нового кабинета. Бывший генеральный секретарь голлистского объединения

дал предварительное согласие и отправился к де Голлю в Коломбэ. Он подробно объяснил ему, почему не стал сразу отвергать предложение Ориоля, хотя и понимал, что успех его попытка формирования кабинета увенчаться не может. Среди главных причин Сустель назвал следующие: «придать парламентской группе объединения уверенность в самой себе, попробовать наладить путем предложенных консультаций контакты с лидерами различных политических группировок, использовать в течение двух-трех дней недоступные средства массовой информации, чтобы изложить перед общественным мнением наши цели и идеи, получить доступ к финансовым, военным и дипломатическим досье и таким образом иметь самые достоверные сведения о политической обстановке в стране»⁶².

Де Голль слушал председателя фракции РПФ почти полночи. По словам Сустеля, он одобрил его действия⁶³. Через несколько дней претендент в премьеры отказался от консультаций. Однако случившийся прецедент стал словно вбитым клином между генералом и одним из «голлистов первого часа». Как сказал Жак Шабан-Дельмас, «тогда в их отношениях образовалась первая трещина»⁶⁴. Через десять лет уже по другим причинам она превратится в зияющую пропасть. А пока, возможно, председатель РПФ и глава его парламентской фракции просто не поняли друг друга. Ведь Сустель, по некоторым свидетельствам, был одним из самых преданных сторонников генерала — подчинялся ему всегда и во всем и даже «говорил его устами»⁶⁵. В данной ситуации он, наверное, хотел сделать как лучше, но вызвал лишь раздражение генерала. И хотя де Голль ничего ему не сказал, он был явно недоволен тем, что Сустель не заявил президенту республики, что только председателю РПФ можно предлагать формировать правительство.

В голлистских кругах все были буквально взбудоражены создавшейся ситуацией. Одни осуждали председателя группы и считали, что он поступил бестактно по отношению к генералу, другие одобряли его поступок. А некоторые даже полагали, что Сустель в действительности был бы рад стать премьер-министром⁶⁶. Самого председателя группы раздосадовал некоторый разлад отношений с де Голлем. Через несколько месяцев он по личной инициативе уступил свое место главы фракции Андре Дьетельму.

В марте президент республики предложил сформировать очередной кабинет «независимому» Антуану Пине. Новый претендент выступал за защиту интересов классической французской правой. Его некоторые программные установ-

ки вполне устраивали часть депутатов РПФ и они решили поддержать его правительство. Жак Шабан-Дельмас писал в своих мемуарах: «Настал такой момент, когда РПФ оказалась перед проблемой, как ему быть дальше — продолжать вести войну против партий или же если не входить в состав правительств, то хотя бы поддерживать попытки тех, чья деятельность тоже в какой-то мере была направлена на национальное обновление»⁶⁷.

Накануне избрания Пине состоялось совместное заседание исполнительного комитета и парламентариев РПФ. На нем некоторые депутаты отозвались положительно о программе нового претендента в премьеры. Но де Голль категорически отверг возможность поддержать Пине. В день голосования 6 марта Андре Дьетельм от имени группы РПФ заявил в Бурбонском дворце, что голлисты не удовлетворены предложениями претендента по конкретной политике, которую он намерен проводить. Однако 27 депутатов голлистского объединения впервые нарушили дисциплину голосования и поддержали Пине. В результате он стал премьер-министром. В руководящих кругах РПФ такое поведение депутатов расценили как диссидентское. Объединение получило настоящий удар, причем не откуда-нибудь извне, а изнутри. Кризис был налицо.

Непристойное поведение 27 депутатов стало поводом для начала «войны» между ними, с одной стороны, и главой РПФ и верных ему голлистов — с другой. «Ортодоксы» наступали, «диссиденты» защищались. Уже 10 марта де Голль выразил сожаление, что некоторые депутаты его объединения поддержали правительство Пине. Затем в печати стали появляться прямые обвинения «ортодоксов» в адрес «диссидентов». В ответ на это последние направили послание самому де Голлю, в котором отстаивали свои позиции. Они заявили, что не согласны с идеей постоянной и безоговорочной оппозиции режиму Четвертой республики и что считают вполне допустимым интегрироваться в существующую политическую систему. К таким заявлениям де Голль и его окружение отнеслись резко отрицательно. Председатель РПФ в своем ответном письме указал, что «объединение не намерено больше терпеть беспорядок и растерянность, и меры, необходимые для восстановления единства, будут немедленно приняты»⁶⁸.

Ждать санкций «диссидентам» действительно долго не пришлось. В резолюции очередного пленума РПФ подчеркивалось, что по всем вопросам, касающимся «утверждения в парламенте государственной политики Франции, должна не-

укоснительно соблюдаться дисциплина голосования»⁶⁹. «Диссиденты» назвали такую линию руководства для себя неприемлемой и 12 июля образовали в Национальном собрании собственную фракцию. В ответ де Голль немедленно выступил с декларацией, в которой указывалось, что любой депутат или сенатор, покидающий парламентскую фракцию РПФ, исключается из рядов голлистского объединения⁷⁰.

Казалось бы, наконец единство восстановилось. Но это была лишь видимость. Депутаты и сенаторы, оставшиеся в рядах РПФ, также то и дело выражали недовольство чересчур строгими установками руководства. Как сказал Жак Сустьель, «ров между Бурбонским и Люксембургским дворцами с одной стороны и улицей Сольферино с другой* становился пропастью»⁷¹.

Пока руководители РПФ занимались выяснением отношений с парламентской группой, ситуация на местах вышла из-под их контроля. В результате голлистское движение во многих районах страны начало клониться к упадку. Оливье Гишар свидетельствовал, что в 1952 году объединение утерюло свою монолитность и являло собой уже «два мира, два климата и две различные сложные проблемы для генерала — парламентскую группу и депутатов и рядовых членов партии»⁷².

Ситуация внутри РПФ огорчала и даже раздражала де Голля. Однако он отнюдь не был занят только распутыванием противоречий, в которых увязли его сторонники. Генерал не переставал наблюдать за тем, что происходило во французской политике, главным образом внешней.

В начале 50-х годов Франция активно включилась в процесс европейской интеграции. В 1951 году премьер-министр страны Робер Шуман выступил инициатором объединения производства и сбыта угля и стали западноевропейскими государствами. «План Шумана» отклонила Великобритания. Однако в следующем году Франция совместно с ФРГ, Италией, Бельгией, Нидерландами и Люксембургом подписала договор о Европейском объединении угля и стали (ЕОУС). Сразу после этого другой премьер-министр страны Рене Плевен по довольно настоятельному требованию Соединенных Штатов начал разрабатывать проект договора, учреждавшего Европейское оборонительное сообщество (ЕОС). Он предполагал объединить страны, вступившие в ЕОУС. «План Плевена» предусматривал создание наднациональной

---

* Бурбонский дворец — место заседаний Национального собрания. Люксембургский дворец — место заседаний Сената. Улица Сольферино — место главной ставки РПФ.

европейской армии, подчиняющейся главнокомандующему войсками Североатлантического блока (НАТО)*. Таким образом, Франция, как и другие члены ЕОС, должна была лишиться контроля над собственной армией. В 1952 году кабинет Пине подписал и этот договор. Правда, он мог вступить в силу только после его ратификации Национальным собранием.

Де Голль положительно отнесся и к вступлению Франции в НАТО, и к распространению на нее действия «плана Маршалла»**. Сам он был одним из инициаторов объединения европейских государств в конфедерацию. Еще в декабре 1948 года председатель РПФ заявил: «Никто более чем я не убежден в необходимости строительства Европы»⁷³. Однако договоры о ЕОУС и ЕОС генерал сразу воспринял отрицательно. Де Голль считал, что они, и особенно «план Плевена», подчиняют Францию «американской стратегии и отнюдь не гарантируют ей защиты»⁷⁴.

Председатель РПФ не хотел такой европейской конфедерации, которой диктовали бы из-за океана, что и как надо делать. В отношении договора о ЕОС генерал прямо сказал: «Нет! Он не должен быть одобрен французским народом. Многие французы, я в этом убежден, так же как и я сам, ни за кем не признают право подчинить их и дать распоряжаться своей судьбой иностранцам, лишая себя таким образом возможности пользоваться национальной защитой»⁷⁵.

В декабре 1952 года председатель РПФ перенес операцию по удалению катаракты и в течение некоторого времени восстанавливал свои силы после нее. Между тем новый, 1953 год начинался для голлистского движения в унылой обстановке. Генеральный секретарь Луи Терренуар записал в дневнике: «Как мне не хотелось открывать эту страницу. Ведь уже полгода по РПФ как по парламентскому объединению не перестает звучать похоронный колокольный звон»⁷⁶. И буквально через несколько дней, прямо в подтверждение таких слов, депутаты РПФ опять нарушили дисциплину голосования. Многие из них поддержали нового кандидата в премьеры — правого радикала Рене Мейера. Они проголосовали за

---

* Североатлантический договор (НАТО) о коллективной взаимопомощи, направленный по существу против СССР, в апреле 1949 г. подписали США, Канада, Великобритания, Франция, Италия, Бельгия, Нидерланды, Люксембург, Португалия, Норвегия, Дания и Исландия. В 1955 г. в НАТО вступила ФРГ, а позднее еще целый ряд государств.

** «План Маршалла» — программа восстановления и развития Европы после Второй мировой войны путем предоставления ей американской помощи — вступил в действие в 1948 г.

него потому, что он пообещал голлистам не ратифицировать договор о Европейском оборонительном сообществе, против которого объединение во главе со своим председателем болось уже год.

Де Голль прекрасно понимал, что звездный час РПФ прошел. Созданное им движение явно клонилось к упадку. Но что было делать? Пока он не знал. В марте генерал решил совершить путешествие по африканским владениям Франции и посмотреть, что делается на подвластных ей территориях. Председатель РПФ пробыл в Африке целый месяц. Его везде принимали с энтузиазмом. Но, когда он в начале апреля 1953 года вернулся во Францию, его ждало еще одно разочарование.

На прошедших в мае муниципальных выборах голлисты получили всего 10,6% голосов избирателей, то есть почти в четыре раза меньше, чем в 1947 году. После такой серьезной неудачи де Голль все же начал склоняться к тому, что РПФ пора ликвидировать. Однако одним махом пресекать его деятельность он не стал. Пока он решил избавиться от «предателей»-парламентариев. 7 мая генерал выступил с заявлением, в котором подчеркнул, что «хотя Объединение французского народа не прекращает своего существования, его депутаты и сенаторы отныне не будут считаться членами РПФ и могут вести парламентскую деятельность только от собственного имени»⁷⁷.

Такие слова председателя объединения вызвали некоторую растерянность в рядах парламентариев РПФ. В Национальном собрании от основной фракции откололось еще несколько человек, которые перешли в парламентские группы правых и центристских объединений. В результате в голлистской фракции осталось 77 депутатов. Она приняла название Союз республиканского и социального действия, так как де Голль потребовал, чтобы название РПФ не фигурировало больше в парламентской жизни страны. Возглавлял группу сначала Андре Дьетельм, а потом Раймон Трибуле. Аналогичная фракция существовала и в сенате. Ее работой руководил Мишель Дебре.

В июне голлисты почти всем составом проголосовали за утверждение на посту премьера «независимого» Жозефа Ланьеля. В ответ на такую благосклонность они впервые в истории Четвертой республики получили пять министерских портфелей. Как только об этом стало известно, де Голль немедленно опубликовал коммюнике, в котором подчеркнул: «За то, что произошло, объединение не несет ни прямой, ни косвенной ответственности. Каждый представитель

РПФ, вошедший в правительство, будет исключен из его рядов»⁷⁸..

Генерал, конечно, был огорчен поведением своих соратников, совсем недавно следовавших только его тактике по отношению к слабому режиму — ни при каких обстоятельствах никакого сотрудничества. Однако он понимал, что при создавшейся ситуации голлистские парламентарии оставались не у дел, по существу становились «безработными». Некоторым из них пришлось серьезно подумать о смене рода деятельности. Осознавая это, де Голль «закрыл глаза» на то, что часть депутатов-голлистов нашла прибежище в правительственных кругах Четвертой республики⁷⁹.

Осенью генерал решил выяснить, каково положение Объединения французского народа на местах. Он вызвал в Париж региональных делегатов, чтобы они доложили ему об обстановке. В один голос прибывшие говорили об упадке движения, о его постепенном угасании. Де Голль подбодрил своих сторонников и просил их «всеми силами поддерживать истлевающий огонек»⁸⁰.

В доме на улице Сольферино-5 стало намного меньше сотрудников. Де Голль в каждый приезд в столицу навещался туда, хотя уже не проводил еженедельных заседаний исполнительного комитета. Тем не менее генерал приглашал побеседовать с ним Андре Мальро, Жака Сустеля, Рене Капитана, Луи Терренуара. Разговор всегда шел на одну и ту же тему: как быть дальше с голлистским движением, куда его вести? И ни от кого председатель не мог получить удовлетворяющий его ответ. Но одно стало окончательно ясно — надежды, связанные с Объединением французского народа, не оправдались.

В КОЛОМБЭ

Явно неудавшаяся затея с Объединением французского народа огорчала де Голля. Он постепенно отходил от политической деятельности и все прочнее обосновывался в Коломбэ. Правда, почти весь октябрь 1953 года генерал с женой путешествовал по французским владениям в Индийском океане. Эту продолжительную поездку, как и предыдущую, африканскую, организовали сторонники де Голля. Вместе с ним и Ивонной в странствия отправился и секретарь его личной канцелярии Оливье Гишар, только что сменивший Жоржа Помпиду.

Председатель РПФ вылетел на небольшие острова в Ин-

дийском океане, сделав остановку в Тунисе и на Мадагаскаре, а возвратился через Джибути и Эфиопию. Путешествие доставило огромное удовольствие Ивонне. Она очень любила летать на самолете и с интересом знакомилась с экзотическими странами. Жена генерала впоследствии говорила сыну, что чувствовала себя той осенью самой счастливой на земле⁸¹. Наконец-то ее Шарль принадлежал только ей! В самолете она всегда сидела у иллюминатора, а де Голль, расположившись рядом, обязательно что-нибудь читал. Ивонна наблюдала за тем, что происходит внизу, на земле. Она с восторгом дергала мужа за рукав и восклицала: «Шарль, смотрите, слоны!» А он, не отрываясь от книги, бурчал: «Оставьте, Ивонна»⁸². В конце октября супруги возвратились в Коломбэ.

Всю первую половину 1954 года де Голль посвятил своим «Военным мемуарам». К лету первый том был закончен. Генерал попросил Жоржа Помпиду выступить в роли посредника между ним и издателями. Как только стало известно, что «освободитель Франции» собирается опубликовать воспоминания, многие из них предложили председателю РПФ свои услуги. Прежде всего это был Этьен Репессе из «Берже-Левро», у которого де Голль публиковал свои первые книги. Однако на сей раз генерал предпочел остановить выбор на известном издательстве «Плон», которое некогда выпустило в свет мемуары знаменитых французов Третьей республики — маршала Фоша, Жоржа Клемансо, Раймона Пуанкаре. Представители «Плона» были обрадованы решением де Голя. Так началось многолетнее сотрудничество генерала с этим издательством*.

Тем временем депутаты-голлисты продолжали интегрироваться в систему Четвертой республики. В июне 1954 года премьер-министром Франции стал радикал Пьер Мендес-Франс. В его кабинет вместе с представителями ЮДСР, радикалов и «независимых» вошли и голлисты. Одним из основных направлений деятельности нового правительства было урегулирование французских колониальных проблем. Мендес-Франс решил положить конец военным действиям в Индокитае, длившимся уже восемь лет. В июле 1954 года Франция подписала Женевские соглашения о прекращении войны. В следующем месяце кабинет предоставил внутреннюю автономию французскому протекторату Тунису. Дру-

---

* Впоследствии издательство «Плон» выпустило и все остальные произведения де Голя, а также воспоминания о нем его родных и известных деятелей голлистского движения.

гой же протекторат — Марокко — на требование независимости получил отказ.

Голлистская фракция в Национальном собрании поддержала почти все начинания правительства Мендес-Франса. Однако, когда премьер-министр, как и многие его предшественники, представил на рассмотрение парламенту договор об учреждении Европейского оборонительного сообщества (ЕОС), голлисты начали активную кампанию против его ратификации. В результате 30 августа 1954 года договор был отвергнут Национальным собранием и окончательно похоронен. Де Голля обрадовали усилия его сторонников в этом направлении. Провал договора о ЕОС стал последней крупной акцией, которую еще как-то можно было связать с политической деятельностью РПФ и его лидера.

В октябре первый том мемуаров де Голля — «Призыв» увидел свет. Он вызвал неподдельный интерес, разошелся большим тиражом и принес автору солидный гонорар. Финансовое положение семьи де Голлей сразу значительно улучшилось. Это подняло настроение автору. Генерал, возможно, рассчитывал, что французы, прочитав о его знаменитом призыве 18 июня, захотят, чтобы он вновь спас нацию. Во всяком случае 12 октября де Голль писал сыну: «Мне кажется, что едва заметное дуновение чего-то нового начинает будоражить спящие воды, в которые превратилась наша страна»⁸³.

В то же время многие представители правящих кругов Франции считали, что политическая карьера генерала завершена. Когда осенью 1954 года новый посол СССР в Париже Сергей Александрович Виноградов встретился с министром иностранных дел Жоржем Бидо, тот сказал ему: «Ехать повидаться с де Голлем бесполезно. Он конченый человек»⁸⁴. Но Виноградов оказался более дальновидным, чем Бидо. 9 ноября в гостинице «Ла Перуз» он встретился с генералом. Собеседники говорили о международных проблемах и французской политике, в частности, об отклонении Национальным собранием договора о ЕОС. Де Голль заявил послу СССР, что его ратификация «нанесла бы ущерб национальным интересам Франции»⁸⁵.

1955 год не внес каких-нибудь существенных перемен в жизнь генерала. Начался он еще с одной потери. В начале февраля умер старший брат де Голля Ксавье. В апреле председатель РПФ лег в больницу, на операцию по удалению катаракты на втором глазу. Летом генерал опять погрузился в написание мемуаров. Он уже почти год работал над вторым томом — «Единство».

Де Голль всегда радовался приездам в Коломбэ родных. Теперь особое удовольствие ему доставляло общение с вну-

ками. У Филиппа было три сына. В 1948 году на свет появился Шарль, в 1951-м — Ив и в 1953-м — Жан. Генерал любил катить перед собой коляски с мальчишками, пока они еще не умели ходить. А когда внуки немного подросли, он водил их на прогулки по парку Буассери и играл с ними.

Все больше времени в Коломбэ проводила дочь де Голля Элизабет. Она печатала на машинке текст мемуаров отца, написанный от руки. Иногда, когда в Буассери съезжались сын, невестка, зять, шурин, племянники генерала, он принимался декламировать какой-либо отрывок своих воспоминаний. «Пока он читал, — писал Жак Вандру, — его голос менял тембр и тональность. Он был поочередно обычным, суровым, ироничным, а иногда очень выразительным. Время от времени наш чтец останавливался, чтобы прокомментировать какой-нибудь кусочек текста или событие в нем упомянутое, а иногда и разъяснить, почему он принял то или иное решение»⁸⁶. Зять де Голля Ален де Буассье добавил к этому: «Генерал был прекрасным оратором и, как все люди его поколения, умел читать текст. Поэтому мы всегда присутствовали на исключительном спектакле»⁸⁷.

Председатель РПФ из Коломбэ следил за тем, что происходит во французской политике, но сам публичных заявлений почти не делал. 31 августа 1955 года в письме Мишелю Дебре он замечал: «Да, падение Франции продолжается. Вы предлагаете мне что-нибудь сказать или написать об этом. Но разве я в течение четырнадцати лет мало говорил, мало писал, мало действовал? И вот вам!»⁸⁸

В сентябре, наконец, де Голль принял решение официально объявить о роспуске Объединения французского народа и таким образом признать свое «поражение». Он распорядился приостановить сбор членских взносов и всякую деятельность на местах⁸⁹. Голлистское движение замерло, «погрузилось в сон».

Осень обычно наводит на грустные размышления. А эта, 1955 года, особенно располагала к ним. Согласно опросам общественного мнения, только два процента французов верили, что де Голль еще может вернуться к власти. Из головы генерала не выходили стихи его любимого Верлена:

Les sanglots longs	Издалека
Des violons	Льется тоска
De l'automne	Скрипки осенней —
Blessent mon coeur	И, не дыша,
D'une langueur	Стонет душа
Monotone	В оцепененье*.

* Перевод А. Гелескула.

«ПЕРЕХОД ЧЕРЕЗ ПУСТЫНЮ»

Когда де Голль оставил своих сторонников на произвол судьбы, для них тоже настали нелучшие времена. Только самые преданные соратники генерала осенью 1955 года объявили о своем намерении продолжать борьбу за голлистские идеалы. Они провозгласили создание новой организации — Национального центра социальных республиканцев. Голлисты заявили, что их объединение — «партия верности генералу де Голлю» и что оно будет «преследовать те же цели, что РПФ»⁹⁰. Так открылась следующая страница голлистского движения. Она стала, пожалуй, самой сложной и тяжелой за весь период его существования. Сторонники генерала вступили на путь испытаний и невзгод. Позднее они назовут этот этап своей деятельности «переходом через пустыню». Председателем объединения стал Жак Шабан-Дельмас, генеральным секретарем — бывший региональный делегат РПФ Роже Фрей. К ним примкнули Жак Сустель, Мишель Дебре, Эдмон Мишле, Луи Терренуар, Раймон Трибуле и другие. «Социальные республиканцы» занимались в основном парламентской деятельностью и выступали на страницах прессы в столице, а в провинции были фактически предоставлены самим себе.

Среди лидеров нового голлистского объединения существовало две точки зрения о том, что им делать без генерала. Одни считали, что «социальные республиканцы» должны находиться в постоянной непримиримой оппозиции к «слабому режиму» и добиваться его краха. Другие же более терпимо относились к политической системе Четвертой республики и считали, что голлисты вполне могут вступать в соглашения с партиями, входить в правительственное большинство и занимать министерские посты.

Главным представителем первого тактического направления был Мишель Дебре, возглавлявший группу «социальных республиканцев» в сенате. Он не терял надежды на возвращение генерала к государственным делам и не желал вступать ни в какие отношения с «системой», хотя ему не раз предлагали портфель министра. Перейти из оппозиции в правящий блок Дебре мыслил только вместе с де Голлем. Главой второго направления был Жак Шабан-Дельмас, не раз в период Четвертой республики становившийся министром. Такой же тактической линии придерживался и Жак Сустель.

Во французской политике в середине 50-х годов на первый план постепенно выдвинулась «алжирская проблема». Она воз-

никла, когда в момент правления кабинета Мендес-Франса в Алжире под руководством Фронта национального освобождения (ФНО) вспыхнуло национальное восстание против французских властей.

Алжир занимал совершенно особое место в системе французской колониальной империи. Он был завоеван Францией еще в 1830 году и на протяжении всего последующего времени заселялся европейцами. В середине 50-х годов XX столетия население страны насчитывало примерно 9,5 миллиона человек, из которых более миллиона составляли французы. В руках этой одной девятой части населения находилась вся полнота политической и экономической власти в Алжире. Юридически он не считался ни колонией, ни протекторатом, а просто причислялся к заморским департаментам Франции. В течение долгих десятилетий многим поколениям французов со школьной скамьи внушалось, что Алжир является неотъемлемой частью их страны и что защита ее интересов на этой земле — патриотический долг каждого гражданина республики. Именно поэтому правительство Мендес-Франса сразу же после начала восстания взяло курс на его подавление. Началась кровопролитная колониальная война.

В январе 1955 года Мендес-Франс предложил пост министра-резидента Алжира Жаку Сустелю. Он согласился и занимал эту должность в течение года. В заморских департаментах Сустель сблизился с ультраколониалистами, отстаивавшими лозунги — «Алжир — это Франция», «французский Алжир». Будучи министром-резидентом, он даже выдвинул идею интеграции Алжира с Францией.

Особенно сложная для голлистов ситуация создалась накануне парламентских выборов 1956 года. Социалистическая партия во главе с Ги Молле, ЮДСР, возглавляемый Рене Плевеном и Франсуа Миттераном, и часть радикалов, сплотившихся вокруг Мендес-Франса, объединились перед выборами в так называемый Республиканский фронт. «Социальные республиканцы» сначала не хотели заключать никаких соглашений. Однако без них для голлистов шансы попасть в парламент равнялись бы почти нулю. Их движение без де Голля не могло рассчитывать на успех. Раймон Трибуле заметил даже: «Мы понимали, что находимся под угрозой полного исчезновения»⁹¹. Поэтому накануне выборов Жак Шабан-Дельмас объявил, что «социальные республиканцы» присоединяются к Республиканскому фронту.

Выборы в Национальное собрание принесли большой успех левым. На первое место вышла Французская коммуни-

стическая партия, получившая 150 мандатов. Социалистическая партия заняла 95 мест, радикалы вместе с ЮДСР — 91. Народно-республиканское движение получило 73 мандата, «независимые» — 95. «Социальные республиканцы» сумели провести в собрание только 21 человека. Новый кабинет сформировал Ги Молле. В него вошли лишь партии Республиканского фронта, Жак Шабан-Дельмас занял в правительстве пост государственного министра.

Де Голль продолжал в Коломбэ работу над мемуарами. Летом 1956 года увидел свет их второй том — «Единство». Генерал не вмешивался в дела «социальных республиканцев». Однако верные голлисты приезжали к бывшему председателю РПФ в Коломбэ. Время от времени у него в Буассери появлялись Мальро, Дебре, Сустель, Мишле, Палевски, Терренуар. Голлисты замечали, что их лидер погружен в собственные мысли и в свои, порой отнюдь не политические, замыслы. Однажды, когда де Голль поехал проводить Луи Терренуара на вокзал в Бар-сюр-Об, он показал ему возвышающийся холм недалеко от Коломбэ и рассказал, что, по преданию, великий Цезарь осаждал засевшие на нем войска мятежных галлов. Генерал замыслил установить на холме огромный каменный лотарингский крест, чтобы его было видно издали⁹².

О планах на будущее де Голль ничего никому не говорил. И тем не менее по его отдельным высказываниям и отрывкам из писем было ясно, что он пока не распрощался с мыслью о возвращении в политику. В мае 1956 года бывший председатель РПФ писал генералу Жуэну: «Я тронут твоей верой в меня. Но в настоящий момент я думаю, что мое молчание — это самая впечатляющая, производящая эффект на общественное мнение, позиция. А если я однажды и заговорю, то призову действовать. И тогда, я уверен, мы еще раз будем с тобой вместе»⁹³.

В августе 1956 года де Голль с женой совершил третье путешествие по французским колониям. На сей раз он посетил острова Тихого океана — Гваделупу, Мартинику, Антильские острова и Гвиану. Его везде встречали радушно. Генерал выступал с приветственными речами, знакомился с местными обычаями, с удовольствием пересекал океанскую гладь на пароходах. В сентябре он заехал еще на Цейлон и через Корсику возвратился в Париж.

Зимой бывший председатель РПФ приступил к завершающему тому мемуаров — «Спасение». Ему минуло 66 лет. Темными вечерами он сидел в гостиной за пасьянсом в ожидании сводки последних новостей и вспоминал фразу Фене-

лона* — «Часы длинны, а жизнь коротка»⁹⁴. Генерал полностью погрузился в мысли о жизни и ее смысле.

Да, жизнь коротка. Вот уже и зима сменилась весной. Все зазеленело. Де Голль стал больше гулять. Теперь он мог, прохаживаясь по лесным тропинкам и лугам, сорвать для Ивонны первые фиалки и маргаритки⁹⁵. Генерал сделал и первый набросок завершающих страниц мемуаров. Он решил написать о том, как живет сейчас в Буассери, обрисовать свой автопортрет. Отрывок получился совершенно необыкновенный и по стилю, и по содержанию. Де Голль создал маленькую философскую новеллу.

«В моем доме царит безмолвие. Из угловой комнаты, в которой я провожу большую часть дня, я могу все время смотреть вдаль, в ту сторону, где заходит за небосклон солнце. На протяжении четырнадцати километров не видно ни одного строения. Передо мной открываются равнины и леса. Мой взор скользит вдоль холмов, тянущихся до долины заката, а потом перемещается на соседние склоны. Из верхней части сада я охватываю взглядом глухие чащи. Лес так обволакивает собою всю местность, что кажется, будто море бьется об острые выступы суши. Я наблюдаю, как на этот пейзаж опускается ночь. И тогда, созерцая звезды, я чувствую, как во мне пробуждаются мысли о бренности вещей.

Конечно, письма, радио, газеты приносят в мою уединенную обитель новости нашего мира. Во время моих коротких поездок в Париж я принимаю посетителей. Из разговоров с ними я могу судить, каково состояние людских душ. Во время каникул дети и внуки окружают нас своей молодостью. Нет только нашей дочери Анны, которая покинула этот мир раньше нас. Сколько часов уходит. Я читаю, пишу, мечтаю, и ни одна иллюзия не смягчает горькой безысходности в моей душе.

Однако в моем маленьком парке — я обошел его уже четырнадцать тысяч раз — деревья, с которых холод снимает их одежду, вновь надевают свой зеленый наряд, и цветы, посаженные моей женой, увядают и опять распускаются. Все дома в нашей местности давно обветшали, но из них выбегают смеющиеся девчонки и мальчишки. Когда я выхожу погулять в окрестные леса, их сумрачный вид уже начинает наводить на меня тоску, и вдруг щебет птички, солнечный отблеск на ветке или набухающая почка напоминают мне, что жизнь, с тех пор как она появилась на земле, ведет вечный бой и ни-

---

* Фенелон, Франсуа (1651—1715) — французский архиепископ, писатель

когда его не проигрывает. И вот я ощущаю, как ко мне возвращается какая-то тайная уверенность. Ведь все рано или поздно начинается снова. И после того, как меня самого уже не будет, то, что я сделал, станет началом нового порыва.

Я старею, и мне ближе становится природа. Каждый раз четыре времени года для меня как четыре урока. Их мудрость меня утешает. Природа поет весной: “Что бы ни случилось потом, сейчас все только начинается. Вокруг так светло, несмотря на мимолетные ливни, так молодо, хотя у деревьев еще невзрачный вид, так красиво, включая даже пока пустые поля. Любовь вселила в меня столько силы и радости. Кажется, что они никогда не иссякнут!”

Она утверждает летом: “Моя гордость — это мое изобилие. С большим усилием я даю то, что кормит все живое. Каждая жизнь зависит от моего тепла. Зёрна, плоды, стада, залитые сейчас солнцем, — это достижение, которое никто не сможет уничтожить. Отныне будущее принадлежит только мне!”

Осенью она вздыхает: “Моя задача близка к завершению. Я отдала мои цветы, мои плоды, мой урожай. И теперь я стою, призадумавшись. Посмотрите, как я еще хороша в моем платье из золота и пурпура под ослепительным солнцем. Увы, скоро ветры и непогода сорвут мое убранство. Но однажды на моем обнаженном теле вновь расцветет моя молодость!”

Зимой она жалуется: “И вот я бесплодная и ледяная. Сколько растений, животных, птиц, которых я породила и лелеяла, умирают под моим покровом, потому что я уже не могу ни согреть, ни накормить их. Но неужели в этом судьба? Неужели навсегда победила смерть? Нет! В моих недрах мало-помалу начинается скрытая работа. Еще неподвижная в самой глубине тьмы, я предчувствую чудесное возвращение света и жизни”.

Старая земля, разъеденная временем, источенная дождями и бурями, истощенная растительностью, но готовая бесконечно производить все, что нужно, чтобы род людской продолжался.

Старая Франция, обремененная Историей, истерзанная войнами и революциями, идущая без устали от величия к падению, но от века к веку распрямляемая своим гениальным стремлением к возрождению.

Старый человек, изнуренный испытаниями, отстраненный от дел, чувствующий приближение вечного холода и все-таки не перестающий ждать, когда во мраке блеснет луч надежды»*.

---

* Перевод автора.

Пока де Голль предавался размышлениям в Коломбэ, во французской политике произошли некоторые изменения. Режим Четвертой республики начал испытывать серьезные трудности. Причиной тому была все ширившаяся алжирская война.

Французская армия, познавшая горечь поражения в Индокитае, стремилась взять реванш в Алжире, но терпела неудачи. Удрученные этим офицеры и солдаты постепенно проникались ультраколониалистскими настроениями. Они стали применять пытки к пленным, расстреливать заложников. Однако Фронт национального освобождения Алжира упорно продолжал сопротивление и расширял военные действия, что сильно раздражало французское командование. Оно было также крайне недовольно правительственной политикой. С одной стороны, все кабинеты держались курса на подавление национально-освободительного движения алжирцев, а с другой, за спиной армии, — вели секретные переговоры с ФНО⁹⁶. В рядах армейской верхушки быстро росло убеждение, что правительство вообще неспособно разрешить «алжирский вопрос». Такого же мнения придерживались и алжирские ультраколониалисты. Армия и «ультра» начали открыто возлагать ответственность за неудачи в колониальной войне на правящие круги Парижа. Они по существу перешли в оппозицию к правительству.

Де Голль сразу понял всю серьезность создавшейся ситуации. Он хотел сам посетить Алжир и ознакомиться с происходящим на месте. Но ехать туда официальные власти ему не разрешили. Тогда в марте 1957 года генерал отправился во французскую Сахару, чтобы побывать хотя бы рядом с горячей точкой. В конце июня в письме к племяннице бывший председатель РПФ отмечал: «Алжирское дело затянулось, несмотря на большие усилия и затраты. Чем дольше оно длится, тем более зловещим и мрачным становится. Я даже не представляю, как нынешний режим сможет с ним справиться»⁹⁷. Четвертая республика, действительно, дала трещину. Это понял не только де Голль, но и его верные сторонники. Они интуитивно почувствовали, что слабой «системе партий» можно, наконец, нанести решающий удар.

И вот осенью 1957 года «социальные республиканцы» начинают широкую кампанию за возвращение своего лидера к власти. Они решили развернуть ее в прессе, а также провести по всей Франции серию митингов и банкетов с целью пропаганды идей голлизма. Мишель Дебре в ноябре основал собственный небольшой журнал «Курьер гнева», на страницах которого постоянно требовал немедленного создания во

Франции правительства общественного спасения во главе с де Голлем.

В начале 1958 года «социальные республиканцы» поняли, что самая благоприятная почва для их агитации сложилась в самом Алжире. Странники де Голля решили воспользоваться тем, что Жак Шабан-Дельмас занимал пост министра обороны в стоявшем у власти кабинете радикала Феликса Гайяра, и послали в алжирскую столицу в качестве официальных представителей министерства голлистов Леона Дельбека и Люсьена Нейвирта. Основной целью их деятельности должна была стать агитация за возвращение к власти де Голля, а также привлечение на его сторону двух основных сил, отстаивающих лозунг «французский Алжир», — «ультра» и командование армии⁹⁸. Именно в них «социальные республиканцы» увидели своих возможных сторонников.

В январе 1958 года Дельбек и Нейвирт появились в Алжире. Они создали в алжирской столице «Антенну», личное представительство министерства обороны, имеющее прямую связь с Парижем. Через «Антенну» Дельбек изо дня в день информировал Шабан-Дельмаса обо всех алжирских событиях и получал указания голлистских лидеров⁹⁹.

Дельбек сразу установил контакт с организациями алжирских «ультра». Он смог объединить их в так называемый Комитет бдительности под лозунгом борьбы за «французский Алжир» и уже в его рамках начал агитацию за возвращение к власти «освободителя Франции». Последнее оказалось делом непростым, так как лидеры «ультра» — Пьер Лагайярд, Жозеф Ортиз, Бернар Лефевр — отнюдь не считали своей задачей содействие приходу к власти де Голля.

Еще сложнее было с военными. Французскую армию в Алжире возглавлял Рауль Салан. Ему подчинялись командующие разными родами войск — генералы Жак Аллар, Эдмон Жуо, Жак Массю и адмирал Обуано. На установление «Антенны» они отреагировали спокойно. Однако, когда Дельбек попытался вступить с ними в контакт, отнеслись к этому без энтузиазма. Салан принял явившихся в его ставку голлистов более чем сдержанно. Тогда они отправились к командиру парашютно-десантной дивизии Массю. Но тот тоже не оказал им теплого приема. По словам одного из его подчиненных, полковника Томазо, военным «тогда казалось очень странным, что проблема Алжира связывалась с приходом к власти де Голля»¹⁰⁰. И все-таки первые контакты были налажены.

Тем временем алжирская война становилась все ожесточеннее. А Дельбек и Нейвирт продолжали делать свое дело.

Они проводили время в бесконечных переездах между Парижем и Алжиром, давали отчеты своим товарищам по партии и получали от них инструкции.

Сам де Голль хранил молчание, хотя очень зорко следил за развитием ситуации. Он, безусловно, знал об установлении в алжирской столице «Антенны». Секретари, работавшие на улице Сольферино, Оливье Гишар и Жак Фоккар, держали его в курсе всех дел, происходящих в голлистских кругах¹⁰¹. Участились поездки сторонников генерала в Коломбэ. Голлисты советовались с ним и, вполне возможно, получали директивы. Весной 1958 года имя де Голля достаточно часто упоминается в политических кругах страны. Не только его сторонники, но представители других партий говорят о генерале как о единственном шансе для страны. Материалы о голлизме то и дело появляются на страницах прессы. 7 марта крупнейшая газета «Монд» опубликовала статью известного политолога Мориса Дюверже под названием «Когда?». В ней автор писал, что вопрос сейчас заключается не в том, вернется ли де Голль к власти, а как скоро это произойдет¹⁰².

В апреле у генерала в Буассери побывали поочередно Дельбек и Нейвирт. Первый следующим образом резюмировал свой разговор с бывшим председателем РПФ: «— В настоящий момент все возможно, мой генерал. — Но армия? Вы думаете, она за меня? Вы говорили обо мне с Саланом? — Де Голль всегда делал вид, что ни во что не верит. Но аудиенция, предусмотренная на 20 минут, длилась час с лишним»¹⁰³. В самом конце апреля к генералу приехал Нейвирт и спросил его: что он будет делать, если армия и народ выступят с призывом к нему? Де Голль прямо ответил: «Я откликнусь»¹⁰⁴.

ДОЛГОЖДАННОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ

Все свершилось в мае 1958 года. Сам ход событий вовлек генерала и его сторонников в решающую схватку за власть. Сначала голлисты, а вслед за ними и де Голль сумели так искусно провести игру против Четвертой республики, что менее чем за месяц она, следуя французской поговорке — «Сегодня жив, а завтра жил», — переместилась в историю.

С середины апреля в Париже долго и мучительно углублялся правительственный кризис. Голлисты наблюдали за его развитием в Национальном собрании и сенате. Де Голль следил за тем, что происходит, из Коломбэ. Сначала потер-

пел неудачу в формировании кабинета Жорж Бидо, затем Рене Плевен. Когда Франция прожила без нового правительства двадцать дней, президент республики Рене Коти решил 5 мая узнать у де Голля, на каких условиях он согласился бы сформировать кабинет. Генерал передал через своего секретаря Оливье Гишара, что примет предложение только в том случае, если ему предоставят право обойти существующую процедуру создания правительства¹⁰⁵. Коти не согласился на такие условия, и дело зашло в тупик.

Гишар сообщил о своих переговорах с президентом республики ближайшим сторонникам генерала. Безрезультатность его встречи их несколько не смутила. Они продолжали развивать кампанию в пользу возвращения де Голля. 9 мая Мишель Дебре добился в Париже встречи с верховным главнокомандующим страны генералом Полем Эли. Он заявил ему, что де Голль твердо намерен опять встать во главе государства. Эли дал понять, что ничего против решения генерала не имеет¹⁰⁶.

В это время Коти предложил сформировать правительство представителю МРП Пьеру Пфлимлену, который выступал за сохранение Алжира под властью Франции, но считал, что «нужно прекратить военные действия и начать переговоры с ФНО»¹⁰⁷. Разумеется, его кандидатура была встречена крайне неодобрительно среди алжирских «ультра» и командования армии, полагавших, что переговоры с ФНО — это начало капитуляции. Обстановка в Алжире накалилась до предела. Ультраколониалисты неистовствовали. 10 мая из алжирской столицы в Париж отбыл генерал-губернатор Алжира социалист Пьер Лакост. Он привез президенту республики послание от генерала Салана, где говорилось: «Вся французская армия будет глубоко оскорблена, если мы откажемся от нашего национального достоинства (то есть Алжира — *М. А.*). Нельзя предугадать, что она предпримет в своем отчаянии»¹⁰⁸.

12 мая Пфлимлен закончил формирование своего кабинета. На следующий день должно было состояться обсуждение его программы и утверждение полномочий в парламенте. Узнав об этом, «ультра» немедленно назначили на 13 мая три мероприятия: всеобщую забастовку, демонстрацию под руководством Комитета бдительности и траурную церемонию у памятника солдатам, погибшим в двух мировых войнах. Активисты «ультра» решили после траурного митинга завладеть зданием центрального управления алжирской администрации, так называемого «ЖЖ». Но ясной программы требований у них в этот момент не было. По словам Лагайярда, они понимали, что «надо что-то делать, но никто не

знал точно, что именно»¹⁰⁹. О намерениях армии ничего не сообщалось.

Понимая, что обстановка в Алжире чревата взрывом, туда вечером 12 мая срочно вылетел Дельбек, находившийся в Париже. Вместе с ним хотел лететь и Сустель, пользующийся большой популярностью среди «ультра». Однако в последний момент он решил, что его основная задача — помешать созданию правительства Пфлимлена, и поэтому посчитал нужным отправиться в Алжир после голосования в Национальном собрании. Голлисты хотели, чтобы алжирские демонстранты требовали создания правительства общественного спасения во главе с де Голлем¹¹⁰. Но выработать совместную тактику действий ни с ультраколониалистами, ни с представителями армейского командования им не удалось.

13 мая в три часа дня в Париже Пфлимлен выступил с правительственной декларацией в Национальном собрании. Он заявил, что «считает необходимым пересмотреть Конституцию, чтобы положить конец министерской нестабильности». В отношении Алжира кандидат в премьеры сказал, что «его правительство выберет подходящий момент и начнет переговоры с целью прекращения военных действий»¹¹¹. После этого начались дебаты.

Тем временем в Алжире к памятнику погибшим, где собралась масса народа, прибыли высшие чины алжирской армии: генералы Салан, Аллар, Массю, Жуо, адмирал Обуано. «Ультра» встретили их криками: «Французский Алжир!» и «Армию к власти!» Траурная церемония продлилась менее получаса. Генералы возложили венок к памятнику, все присутствующие почтили память павших минутой молчания, прозвучала «Марсельеза», после чего представители командования покинули площадь. Буквально через несколько минут Лагайярд воскликнул: «Все на штурм “ЖЖ”, против прогнившего режима!» Толпа моментально ринулась к зданию, находившемуся неподалеку, на центральной площади города — Форуме.

Под руководством Лагайярда несколько сот «ультра» с помощью стоявшего на улице грузовика пробили ворота, взломали двери здания и начали погром канцелярии министра-резидента. Они разбили бюст Республики, выбили стекла и начали выбрасывать из окон досье архивов. По существу, начался мятеж. Находившиеся у здания взводы парашютистов с любопытством наблюдали за происходящим.

В половине восьмого вечера у здания появился генерал Массю и тщетно пытался навести порядок. Он связался по телефону с Национальным собранием, где шли дебаты по

инвеституре Пфлимлена. Массю рассказал о происшедшем и спросил, что должен делать, но не получил никаких указаний. Прибывший на место Салан, в свою очередь, позвонил Эли, но тот лишь попросил его постараться успокоить бунтующих. Мятежники не унимались. Тогда Массю решил узнать у «ультра», чего они хотят. Лагайрд ему выкрикнул: «Или создание Комитета общественного спасения и требование образования в Париже правительства общественного спасения, или же продолжение мятежа». Командир парашютной дивизии вопросительно взглянул на Салана, но тот молчал. После непродолжительной паузы Массю согласился. «Хорошо, — сказал он, — пишите список»¹¹².

В Комитет общественного спасения вошло около 30 человек, в основном представителей «ультра». Во главе его Массю вписал себя и трех полковников своей дивизии — Дюкасса, Тренкье и Томазо.

Около девяти часов вечера Массю отправил в Париж на имя президента республики телеграмму, в которой говорилось о «создании военно-гражданского комитета общественного спасения в Алжире» и «требовалось сформировать в Париже правительство общественного спасения, единственно способное сохранить Алжир в качестве неотъемлемой части метрополии»¹¹³.

Такие новости вызвали панику в Национальном собрании. Однако вскоре дебаты возобновились. Пфлимлен в общих словах осудил мятеж, но не предложил никаких конкретных мер для его ликвидации¹¹⁴. Решительно выступил против мятежников только член политбюро ФКП Вальдек Роше. Но депутаты правых партий даже не дали ему договорить. Они прервали его речь криками: «Французский Алжир!» В ответ со скамей, занимаемых левыми, раздались крики: «Фашисты!», «Фашизм не пройдет!»¹¹⁵ В третьем часу ночи дебаты наконец закончились и началось голосование.

Захват здания центрального управления и создание Комитета общественного спасения были неожиданными для голлистов. Во время взятия «ЖЖ» Дельбек находился на противоположном конце города, где должна была состояться демонстрация под руководством Комитета бдительности. Узнав о штурме здания, он тут же направился туда, но все улицы были запружены народом и проехать на машине оказалось невозможным. Поэтому ему пришлось пробираться пешком, что заняло почти два часа. Лишь поздно вечером Дельбек проник в здание центрального управления к генералу Массю и заявил ему, что он друг Сустеля, который с минуты на минуту ожидается в Алжире¹¹⁶. Массю сразу

включил Дельбека и Нейвирта в только что сформированный Комитет общественного спасения.

Как только Сустель узнал о мятеже, он действительно попытался отправиться в Алжир. Но оказалось, что правительство отдало распоряжение о прекращении всей почтовой, телеграфной и телефонной связи с Алжиром и запретило самолетам и судам покидать французские аэродромы и порты. Так что бывшему генерал-губернатору пришлось пока остаться в Париже.

В Алжире глубокой ночью узнали, что Национальное собрание проголосовало за утверждение правительства Пфлимлена. Члены комитета пребывали в замешательстве. Лишь Леон Дельбек упорно доказывал, что есть лишь один выход: обратиться с призывом к генералу де Голлю. Сначала его и слушать не хотели. Но время шло. Нужно было принимать какое-то решение. В результате поступили именно так, как он советовал. Первым на его сторону встал генерал Массю, а затем остальные. На рассвете мятежники выпустили первое коммюнике: «Комитет умоляет генерала де Голля прервать свое молчание и создать правительство общественного спасения, единственно способное сохранить Алжир»¹¹⁷.

Под утро наконец удалось уговорить действовать генерала Салана. От его имени была послана телеграмма в адрес президента республики: «Перед лицом серьезных волнений, которые угрожают национальному единству в Алжире, военные власти считают настоятельной необходимостью обратиться к национальному арбитру, чтобы сформировать правительство общественного спасения»¹¹⁸. Дельбек изо всех сил пытался убедить Салана заменить слова «национальный арбитр» именем де Голля, но тот наотрез отказался. Вообще Дельбеку было тяжело противостоять остальным членам комитета. Не рассчитывая на свои силы, он надеялся, что Сустель явится в Алжир и сможет окончательно склонить генералов и «ультра» на сторону де Голля. Того же мнения придерживались и остальные голлисты.

Утром 14 мая почти все лидеры «социальных республиканцев» — Фрей, Мишле, Терренуар, Трибуле — собрались у Сустеля. По словам Луи Терренуара, «все понимали, что Дельбек не может оставаться один в Алжире, где ему и так было уже очень трудно противостоять активистам. Все также полагали, что рядом с Саланом, который не знал, какое решение принять, должен находиться опытный советник»¹¹⁹. Ни у кого не вызывало сомнения, что среди голлистов самым «опытным советником» мог быть только бывший министр-резидент Жак Сустель. Но добраться до Алжира ока-

залось делом очень непростым, так как за Сустедем по указанию правительства постоянно следили полицейские.

Кабинет Пфлимлена не принимал никаких мер для подавления алжирского мятежа, а напротив, стремился сохранить контакт с командованием армии. Правительственное коммюнике, выпущенное 14 мая, поручало «главнокомандующему алжирских войск поддерживать порядок и обеспечивать охрану граждан»¹²⁰. Премьер-министр лично связался по телефону с Саланом и просил его о том, чтобы он убедил членов комитета признать его правительство единственно законным¹²¹. Салан ничего не обещал. Он до сих пор был в нерешительности и не знал, на чью сторону встать. В тот же день в Алжире состоялась пресс-конференция, на которой Дельбек все время повторял: «Комитет общественного спасения не признает созданное в Париже правительство и выступает за передачу власти де Голлю»¹²².

На следующий день устами Дельбека заговорил генерал Салан. 15 мая он в окружении представителей комитета произнес с балкона «ЖЖ» краткую речь перед собравшейся толпой. Он заявил о солидарности с мятежниками. Конец своего выступления Салан так описал впоследствии в мемуарах: «Я воскликнул “Да здравствует французский Алжир!”». В этот момент я слегка нагнулся вправо, и Леон Дельбек шепнул мне на ухо: “Мой генерал, скажите ‘Да здравствует де Голль!’”. Это длилось не более двух секунд. Встав прямо напротив микрофона, я крикнул: “Да здравствует генерал де Голль!” Толпа ответила мне долгим ликованием»¹²³. Волевым образом, но все-таки решающие слова были произнесены.

Вскоре об этом узнали в Париже. Разъяренный Пфлимлен позвонил в Алжир и спросил Салана, почему он произнес имя де Голля. Генерал ему ответил: «Я воскликнул “Да здравствует де Голль”, потому что все население Алжира убеждено так же, как и я сам, что в настоящий момент лишь он может в качестве главы правительства вернуть Франции веру в свою судьбу великой нации, защитить общественные институты и сохранить французский Алжир»¹²⁴.

А де Голль в Коломбэ только и ждал подходящего момента, чтобы вступить в игру. Генерал решил, что 15 мая, после призыва к нему главнокомандующего французскими войсками в Алжире, он как раз настал¹²⁵. Двенадцать долгих лет де Голль ждал своего часа и больше церемониться с Четвертой республикой не собирался. Он еще в юности запомнил двустишие Сюлли-Прюдома*:

---

* Сюлли-Прюдом (1839—1907) — французский поэт, первый лауреат Нобелевской премии по литературе 1901 г.

Viennent les ans! J'aspire à cet, âge sauveur
Où mon sang coulera plus sage dans mes veines¹²⁶.

Пришло время! В моем возрасте я чувствую,
Как сама кровь в жилах становится мудрее*.

Вот теперь де Голль понял, что эти строки о нем. Ни за что он не упустит появившийся шанс, чего бы ему это ни стоило. Для начала генерал выступил с первой декларацией: «Деградация государства неизбежно влечет за собой отчуждение союзных народов, волнение в действующей армии, раскол внутри нации, утрату независимости. Вот уже 12 лет, как Франция пытается разрешить проблемы, непосильные для режима партий, и идет к катастрофе. Некогда, в тяжелый для нас час страна доверилась мне, чтобы я повел ее к спасению. Сегодня, когда Франции предстоят новые испытания, пусть она знает, что я готов взять на себя власть Республики»¹²⁷. Заявление де Голля послужило поводом для оживленных дебатов в парламенте. А пока в Национальном собрании спорили, хорошо генерал поступил или плохо, Сустьель смог усыпить бдительность дежуривших возле его дома полицейских, выехать из Парижа и через Швейцарию добраться до Алжира. Его появление там способствовало окончательному введению мятежа в голлистское русло.

Теперь представители генералитета алжирской армии действовали совместно с голлистами, которые, в свою очередь, через специально разработанную кодовую систему постоянно имели связь с Парижем и держали в курсе всего происходящего генерала де Голля¹²⁸.

19 мая де Голль выехал из Коломбэ в Париж, чтобы дать во дворце Орсэ пресс-конференцию. Большой зал дворца был переполнен. Пришли многие голлисты — Шабан-Дельмас, Дебре, Мишле, Мальро, писатели Франсуа Мориак и Грэм Грин, послы европейских государств, в том числе и Виноградов. Генерал появился ровно в три часа. Присутствующие отметили, что он постарел, стал более грузным, волосы посеребрились сединой, тяжеловатые черты лица с возрастом сгладились, голос стал приглушенным. Журналисты увидели перед собой человека более покладистого, чем прежде. Если раньше он был высокомерным и чопорным, отличался безапелляционностью своих суждений, то сейчас стал осторожным и обходительным.

Прежде всего генерал провозгласил себя сторонником демократии и республики, напомнив, что в послевоенный

---

* Перевод автора.

период, возглавляя Временное правительство, он «восстановил гражданские свободы» и «провел прогрессивные социально-экономические реформы». Относительно положения в Алжире де Голль высказался очень уклончиво, лишь сказав, что «в сложившихся кризисных условиях» армейское командование, «выполняя свой долг наведения порядка, поступило правильно». На вопрос Ги Молле, касающийся его возможного прихода к власти, генерал ответил, что хотел бы получить «чрезвычайные полномочия на формирование своего кабинета»¹²⁹. По отношению к социалистам де Голль проявил максимум любезности. Робер Лакоост вдруг стал «его другом». А Ги Молле, оказывается, «стоял с ним рядом на балконе ратуши города Арраса» в дни освобождения Франции. Далее в адрес лидера социалистов было произнесено немало лестных слов¹³⁰.

Ги Молле следил за ходом пресс-конференции по телевизору, установленному в Бурбонском дворце. Услышав такие слова, он воскликнул: «Но ведь это ложь! Я же в это время находился в Нормандии»¹³¹. Это действительно была ложь. Но кому не понравится, когда из тебя делают чуть ли не героя. Поэтому Молле очень быстро успокоился. А де Голль знал, что говорил. Ведь в известной мере у социалистов в руках находился ключ к власти. Он прекрасно понимал, что правых (представленных в парламенте партией «независимых» и МРП) ему не придется долго уговаривать утвердить его в качестве премьера. О поддержке коммунистов, имевших 150 мандатов, и думать было нечего. Поэтому позиция 95 депутатов Социалистической партии могла стать решающей.

Когда в конце пресс-конференции де Голля спросили, не собирается ли он ограничить общественные свободы, он ответил: «Разве я когда-либо это делал? Наоборот, я их восстановил, когда они исчезли. Неужели кто-нибудь думает, что в 67 лет я собираюсь начать карьеру диктатора?»¹³² Считая, что на сегодняшний день он сказал все, что хотел сказать, генерал удалился в Буассери.

В Алжире движение 13 мая ширилось. Во многих городах создали местные комитеты общественного спасения, во главе которых встали военные. 23 мая был образован объединенный Комитет общественного спасения Алжира и Сахары. По существу им стал комитет, созданный еще 13 мая, но расширенный за счет новых членов. Его основная цель теперь была сформулирована следующим образом: «Обеспечить приход к власти правительства общественного спасения во главе с генералом де Голлем, чтобы провести и

защитить коренную реформу институтов Французской республики»¹³³.

Правительство в Париже пребывало в замешательстве. Пфлимлен не знал, что ему делать. Одни просили его покинуть свой пост во имя национального единства, другие — остаться по тем же причинам. Тем временем алжирские мятежники решили поторопить события. Представители Комитета общественного спасения Алжира и Сахары Сустьель, Дельбек, полковник Томазо подготовили мятеж, аналогичный алжирскому, на Корсике¹³⁴. К утру 25 мая без единого выстрела были захвачены все основные корсиканские города. Мятежники сформировали свой Комитет общественного спасения, требующий «национального единства вокруг генерала де Голля»¹³⁵.

В политических кругах Парижа известие о корсиканских событиях вызвало панику. Стали распространяться слухи о возможной высадке мятежников в метрополии и начале гражданской войны¹³⁶. И действительно, представители штаба алжирской армии совместно с голлистами и, вполне возможно, с ведома самого де Голля разработали так называемую операцию «Возрождение»¹³⁷. Она предусматривала высадку парашютистов в парижском регионе и захват ими власти. Сустьель считал, что такая операция могла бы пройти без единого выстрела, «так как полиция ни за что не поднялась бы против армии»¹³⁸. Определенных сроков для проведения «Возрождения» пока назначено не было.

В Париже правительство Пфлимлена, получившее 20 мая «чрезвычайные полномочия», ничего не предпринимало против мятежников Алжира и Корсики. Более того, в правящих кругах Франции росло убеждение, что отпор им может привести к власти народные силы во главе с коммунистами и что наилучшим выходом из положения была бы передача власти де Голлю. Теперь политики Четвертой республики обращают к нему свои взоры.

22 мая у де Голля в Коломбэ побывал лидер партии «независимых» Антуан Пине. Этот шаг был предварительно одобрен президентом республики и премьер-министром. Пине предложил генералу стать посредником между Алжиром и Парижем. Де Голль заявил лидеру «независимых», что возьмется за решение этой проблемы только в том случае, если ему будет предоставлена «вся полнота власти». После этого собеседники обсудили важнейшие проблемы внутренней и внешней политики Франции¹³⁹. Пине остался очень доволен. По возвращении в Париж он посоветовал Пфлимлену самому лично встретиться с де Голлем. А пока премье-

ра уговаривали согласиться на такой шаг, к генералу обратились социалисты.

25 мая Ги Молле послал де Голлю письмо. В нем он писал о своей солидарности с генералом в алжирском вопросе и заявлял, что не верит обвинениям его в диктаторских замыслах¹⁴⁰. На следующий день социалист Венсан Ориоль, бывший президент республики, также направил письмо в Коломбэ, в котором указывал, что в случае осуждения де Голлем мятежа в Алжире ему обеспечена поддержка социалистов для прихода к руководству правительством¹⁴¹.

26 мая повидаться с генералом согласился сам Пфлимлен. Поздно вечером он на небольшой машине тайно покинул свою резиденцию и направился в городок Сен-Клу под Парижем. Там в назначенном месте его уже ждал де Голль. Пфлимлен предложил обезоружить мятежников Алжира и Корсики, после чего созвать совещание лидеров всех партий для обсуждения кандидатуры генерала на пост главы правительства. Де Голль потребовал, чтобы ему была предоставлена власть без всяких оговорок¹⁴². Они расстались во втором часу ночи, так ни о чем и не договорившись. «Диалогом глухих» назвал это свидание Пфлимлен. А де Голль заявил, что они «расстались друзьями»¹⁴³. Он просто использовал свою встречу с премьер-министром для того, чтобы представить ее как начало формирования своего правительства. Генерал вернулся в Коломбэ в пять часов утра, поспал несколько часов и в десять сел за письменный стол, чтобы написать свою следующую декларацию. В час дня ее уже передавали все радиостанции страны. «Вчера я начал обычный процесс, необходимый для создания республиканского правительства, способного обеспечить единство и независимость страны. Я рассчитываю, что этот процесс будет продолжаться и что страна своим спокойствием и достоинством продемонстрирует желание видеть его завершенным»¹⁴⁴.

Такое заявление явилось полной неожиданностью для депутатов и даже многих министров. 27 мая в Бурбонском дворце одни говорили, что Пфлимлен капитулировал этой ночью, другие же — что де Голль его просто обвел вокруг пальца. Сам премьер вообще ничего не мог объяснить. По словам Эммануэля д'Астье де Ля Вижери, у него просто «не хватило наглости назвать де Голля лжецом»¹⁴⁵.

Голлисты тем временем разворачивали кампанию в пользу возвращения генерала по всей Франции. В знак верности своему лидеру они организовали пролет десяти небольших самолетов над Коломбэ, которые выстроились в небе в виде лотарингского креста. Де Голль увидел их, вышел из дому,

подошел к ближайшей поляне и застыл на ней, высоко подняв немного разведенные в стороны руки. Даже с высоты можно было разглядеть его одинокую фигуру, похожую на букву «V» — начальную в заветном слове Victoire — Победа. Фотографию, запечатлевшую такую картину, опубликовал в конце мая журнал «Пари-матч».

Правительство, осознав свое полное бессилие, искало лишь повода для отставки. Оно выдвинуло на обсуждение Национального собрания проект реформы конституции, резко ограничивающий права парламента. Пфлимлен и его министры рассчитывали, что коммунисты проголосуют против и кабинет сможет уйти в отставку. Но лидеры ФКП разгадали этот шаг и проголосовали за проект. Жак Дюкло заявил с трибуны Бурбонского дворца: «Мы не дадим вам алиби! Франция будет знать, что ваш текст принят, а вы бежали, чтобы уступить дорогу узурпатору!»¹⁴⁶ Законопроект был одобрен большинством голосов. И все же кабинет отказался от своих полномочий. На рассвете 28 мая Пфлимлен вручил президенту республики заявление об отставке.

Через несколько часов в Коломбэ появился еще один гость. Многочисленные журналисты, уже давно «разбившие лагерь» вокруг имения де Голля, не смогли понять, кто он. А был это посланец из Алжира генерал Дюлак. Он приехал по приказу Салана, чтобы узнать, должна ли состояться операция «Возрождение»¹⁴⁷. Де Голль не хотел ее проведения. Зачем? Развязка была близка. Еще одно усилие, и Национальное собрание само распахнет перед ним двери к власти.

Поздно вечером 28 мая президент республики Рене Коти вызвал к себе в Елисейский дворец председателей обеих палат парламента — Андре Лё Трокёра и Гастона Моннервиля. Он просил их повидаться с де Голлем и узнать у него, на каких условиях генерал согласится возглавить правительство. В одиннадцать часов вечера два председателя встретились с де Голлем в парке Сен-Клу. Де Голль потребовал предоставления чрезвычайных полномочий и права пересмотреть Конституцию 1946 года¹⁴⁸. Гастон Моннервиль был очень мягок и покладист и соглашался на все. Андре Лё Трокёр, напротив, на требования де Голля отвечал однозначно: «Это невозможно. Все должно пройти в рамках республиканской законности». В час ночи собеседники растались, не придя к согласию. Генерал опять удалился в Буассери. Моннервиль и Лё Трокёр в два часа ночи подъехали к Елисейскому дворцу. Президент вышел навстречу своим поздним посетителям. Лё Трокёр сообщил ему, что встреча с де Голлем закончилась полным провалом. Коти

немного подумал и сказал, что он удаляется в свой кабинет, чтобы к утру принять необходимое решение¹⁴⁹.

Утром 29 мая стало известно, что президент республики направил послание двум палатам парламента. В три часа дня началась заседание Национального собрания. Перед амфитеатром Бурбонского дворца появился Лё Трокёр. Он попросил депутатов встать и выслушать заявление президента. «В этот тяжелый час, — писал Коти, — я решил обратить свой взор к генералу де Голлю — самому знаменитому из французов» и предложить ему «сформировать правительство общественного спасения, которое смогло бы осуществить глубокие преобразования наших институтов»¹⁵⁰.

В этих словах заключалась суть всего текста. В конце своего послания президент угрожал подать в отставку, если парламент выскажется против правительства де Голля. Как только имя генерала было произнесено, по знаку Дюкло все депутаты-коммунисты и некоторые социалисты вновь сели на свои места. Правые продолжали слушать стоя. Не успел председатель закончить чтение, как левые начали скандировать: «Фашизм не пройдет!» Представители правых партий ответили им криками: «Французский Алжир!» Коммунисты и социалисты запели «Марсельезу». На скамьях правых молчали. Затем начались бесконечные переругивания, угрозы, насмешки. Дело чуть было не дошло до драки¹⁵¹.

Пока в кулуарах Бурбонского дворца депутаты продолжали возмущаться, генерал де Голль приехал в Елисейский дворец. Коти встретил его на лестнице у парадного входа. Два президента Французской республики — нынешний и будущий — договорились о том, как произойдет процедура утверждения нового правительства. Они решили, что де Голль появится в Бурбонском дворце только для того, чтобы прочитать свою декларацию¹⁵².

В тот же день поздно вечером генерал опубликовал коммюнике, в котором потребовал от Национального собрания «чрезвычайных полномочий на срок, необходимый для того, чтобы справиться с тяжелым положением, сложившимся в стране», и дал понять, что намерен пересмотреть Конституцию 1946 года¹⁵³. Судьба республики была решена. Осталось только выполнить последние формальности.

30 мая представители всех главных политических партий страны, за исключением коммунистов, выразили готовность поддержать де Голля и войти в его правительство. По предварительной договоренности государственными министрами были назначены Ги Молле (СФИО), Пьер Пфлимлэн (МРП), Луи Жакино («независимый»), Феликс Уфуэ-

Буаньи (ЮДСР). Наряду с представителями политических партий в правительство вошли высшие чиновники и дипломаты, в том числе давние сотрудники де Голля¹⁵⁴. Однако пока в свой кабинет генерал не включил ни одного ультраколониалиста.

Утверждение де Голля на пост главы кабинета состоялось 1 июня. Генерал выступил с краткой правительственной декларацией. Он просил Национальное собрание предоставить его правительству «чрезвычайные полномочия сроком на полгода» с тем, чтобы «разработать новую конституцию и вынести ее на всеобщий референдум»¹⁵⁵. После прочтения декларации генерал покинул Бурбонский дворец. В дебатах против программы де Голля выступили Жак Дюкло, Пьер Мендес-Франс и Франсуа Миттеран. Большинство же ораторов поддержали его кандидатуру. В итоге за генерала проголосовали 329 депутатов: «независимые», МРП, «социальные республиканцы», часть социалистов и радикалов. 224 депутата были «против»: коммунисты, часть радикалов и социалистов¹⁵⁶. Так недолговечная Четвертая республика канула в Лету. А де Голль наконец-то вернул себе власть.